

ВОЗРАСТ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК.

Антропологический очерк.

1.

Возрасты и отношение их к развитию.—Высшие и низшие человеческие расы.
—Общий вывод о возрастах человека.

Основной темой для соображений, которые я намерен развить в этом очерке, я выбрал положение, являющееся простым выводом из суммы фактов и гласящее, что если какой-нибудь вид или индивидуум животного делает шаг вперед против своих собратьев, то отношения возрастов у него меняются и тем самым являются причиной различных, иногда довольно сложных, изменений. Положение это всего лучше поясняется примерами. Возьмем двух обыкновеннейших в наших водах амфибий, тритона и лягушку, животных, стоящих близко друг к другу в зоологической системе. Из этих двух видов лягушка занимает высшее место в системе, следовательно делает некоторым образом шаг вперед против своего собрата—тритона. В то время как последний всю свою жизнь сохраняет форму удлинённого, похожего на ящерицу животного с короткими ногами и длинным хвостом, лягушка только в течение некоторого времени является в виде тритонообразного хвостатого существа; при дальнейшем развитии она теряет признаки, делающие ее столь похожей на тритона, и приобретает свойства, характеризующие ее как настоящую лягушку. Другими словами, взрослая лягушка несравненно менее похожа на себя в личиночном состоянии, нежели тритон, который как бы соответствует лягушке в ее хвостатом, личиночном возрасте. Отсюда явно следует, что у лягушки развитие будет более сложное и более длинное, чем у тритона; у нее совершается так называемое полное превращение, тогда как развитие тритона подойдет под категорию простой метаморфозы. Другой пример мы возьмем из области так называемых ракообразных животных. Личинки, выходящие из яиц омара, хотя и похожи общим видом на взрослую форму, но отличаются от нее главным образом раздвоенными ногами, приближаясь в этом отношении к некоторым мелким морским ракам, сходным с креветками и известным под названием раздвоенноногих. У последних та особенность, которая характеризует молодой возраст омара, остается на всю жизнь,

подобно тому как и у тритона хвост является органом постоянным, а не кратковременным, как у лягушки; можно было бы привести еще целый ряд аналогичных примеров, но в них, собственно говоря, нет никакой надобности, так как вывод во всех случаях будет один и тот же, т.е. что, прогрессируя в развитии, животное претерпевает изменение в распределении и отношении возрастов.

Теперь посмотрим, можно ли в среде рода человеческого отыскать явления, подходящие под выведенное только что правило, следовательно явления, которые напоминали бы нам развитие амфибий и раков. Не выходя даже за пределы чистой зоологии, мы можем отвечать на этот вопрос утвердительно. Не все виды человеческого рода представляют нам одинаковую степень физического развития: есть расы высшие и низшие; из них последние отличаются именно такими особенностями, которые у первых являются в виде переходных кратковременных признаков. Я не стану разбирать здесь этого предмета во всей подробности, так как в этом для нашей цели нет никакой надобности, тем более, что я намерен посвятить вопросу о группировке человеческих рас особую статью. Для нашей цели достаточно указать в общих чертах, без числовых данных, на те признаки, которые известны, конечно, всякому из моих читателей. Из представителей низших рас в Европе всего более распространены негры. Кто не знает их характерного лица с совершенно плоским переносьем, широким, как бы придавленным носом, еще более широкими и выдающимися губами и пр.? Все эти особенности представляют прямую противоположность красивого кавказского лица, отличающегося возвышенным переносьем, длинным, тонким носом, тонким „пропорциональным“ ртом и пр. Но сравните две только что описанные физиономии с лицом очень маленького дитяти любого европейского народа. Всем известно, что лицо новорожденных детей сравнительно с взрослыми крайне безобразно, и что безобразие это главным образом обуславливается необычайно широким лицом, отсутствием переносья, вздернутым широким носом и большими губами, т.е. именно теми признаками, которые отличают лицо негра от взрослого европейца. Отсюда явно следует, что представители высшей человеческой расы рождаются с лицом, характеризующим низшие расы, подобно тому как омар рождается с раздвоенными ногами (*Schizopoda*), а лягушка — с хвостом, составляющим одну из главнейших особенностей тритона. В то время как головастики при дальнейшем своем развитии теряет жабры и хвост, новорожденный европеец претерпевает ряд изменений, переводящих его безобразное негрообразное лицо в красивое европейское. Все лицо значительно удлиняется, что главным образом совершается на счет удлинения носа, который из широкого и раздавленного переходит в прямой или загнутый и притом более выдающийся; рот и губы принимают нормальные размеры и пр.

Низшие в физическом отношении человеческие расы и в умственном отношении значительно отстают от высших, главным

представителем которых для нас будут всегда служить европейские народы. Что бы ни говорили об умственных способностях негров и других низших рас, высказанное только что положение все-таки останется непреложным фактом. Не подлежит никакому сомнению, что между неграми выдаются отдельные личности, но это столь же мало изменяет общий вывод, как и то обстоятельство, что у негров иногда попадаются совершенно европейские физиономии. Этим также отнюдь не отвергается возможность совершенствования негров, потому что при данных условиях всякое низшее существо может быть переведено на более высокую степень развития, хотя само собою понятно, что это совершенствование при обыкновенных условиях есть дело величайшей трудности, часто же и вовсе невозможное. Поэтому, например, меня нисколько не удивляет накапливающиеся с каждым годом факты об одичании негров в Либерии, на Гаити и в Америке, где они постепенно переходят к язычеству и подчас даже вводят у себя людоедские обычаи.

Подобно тому, как дети наши в ранней молодости напоминают своими физиономиями лица низших рас, и в умственном отношении они являются чрезвычайно похожими на дикарей. Это обстоятельство до такой степени резко бросается в глаза, что на него не раз указывали как путешественники, так и кабинетные ученые. Имея в виду большое значение этого факта для наших дальнейших соображений, я считаю нужным сказать о нем несколько слов. Кто не знает „диких“ выходок наших мальчиков, главные развлечения которых заключаются в борьбе, возне, шуме и гвалте; кого не поражает их неровный, пылкий характер, на который так сильно и так кратковременно действуют внешние впечатления? Безграничная удаль, шеголянье выносливостью боли и других неприятных ощущений одинаково характеризуют как нашего юношу в гимназическом возрасте, так и индейца, считающего крайне постыдным выказать страдание, до каких бы пределов оно ни дошло. У Леббока¹⁾ собрано довольно много фактов из отчетов различных путешественников, фактов, указывающих на поразительное сходство между поступками детей и дикарей; особенный же интерес представляют данные, приведенные Тэйлором²⁾ в пользу того мнения, что детские игры составляют остаток обычаев, бывших в употреблении у взрослых в давнопрошедшие времена и сохранившихся доньше у различных диких народов. Первый из названных авторов сообщает также весьма важные факты, доказывающие основное сходство многих языков первобытных народов с языком наших детей, заключающееся в стремлении к повторению слогов. В то время как в европейских языках подобные слова являются как редкие исключения (например, в английском: *adscititions*, *adventitions*), у детей они составляют главнейшую часть лексикона (папа, мама, дядя, няня, ляля, вава и проч.), а также весьма распространены в языках

¹⁾ Origin of civilisation. 1870, стр. 402—409.

²⁾ Первобытная культура. Том I, глава третья.

негритянских народов, полинезийцев и других „дикарей“ (например, Kamehameha, Rivi-Rivi, susu, parah и пр.).

Мысль о сходстве детей с первобытными дикарями далеко еще не разработана в той мере, как она того заслуживает, хотя на нее уже с давних пор было обращено внимание ученых. В сущности, то же самое выражает мнение Огюста Конта ¹⁾ и многих других писателей, что в развитии отдельного индивидуума как бы вкратце повторяется история всего человечества. Раннее детство Конт сравнивает с периодом фетишизма в развитии человечества; следующий затем возраст он как для отдельного индивидуума, так и для целого общества называет политеистическим периодом. Юность отдельного человека с ее мечтами и идеалами он приравнивает метафизической стадии развития и т. п.

Итак, в человеческом роде, так же как и вообще в органическом мире, развитие, начинаясь от одной исходной точки, идет вперед, но останавливается в одном месте на таком пункте, который в другом случае составляет только кратковременную переходную ступень. С этой точки зрения низшие расы как бы задерживаются на определенной стадии развития, подобно тому как у тритона задерживается его длинный хвост, а у Schizopoda — их раздвоенные ноги.

Из всего сказанного неизбежно вытекает тот простой вывод, что между отдельными возрастами дикаря существует несравненно большее сходство, чем между возрастами цивилизованного человека, подобно тому, как хвостатая личинка тритона гораздо более похожа на взрослую форму, чем головастик — на лягушку. Личинка тритона с того момента, когда она потеряла жабры и приобрела четыре ноги, есть уже по всем признакам настоящий молодой тритон; соответствующая же стадия развития лягушки будет еще головастиком-личинкой. То же самое и у человека. На низших ступенях юноша становится взрослым, начиная с того момента, когда у него появились физические признаки взрослого человека, когда он достаточно силен для того, чтобы собственными руками обеспечить жизнь свою и своего семейства. На высших же ступенях развитие продолжается несравненно дольше, так как цель, которую оно должно достигнуть, шире и глубже.

II.

Возраст вступления в брак у различных народов. — Существование дисгармонии в развитии человека.

В первой главе выставлен принцип, на котором будут основаны последующие соображения; цель же этих соображений заключается в том, чтобы уяснить отношение возрастов у народов „остановившихся“ на различных ступенях развития. Для того,

¹⁾ Philosophie positive. Томы IV—VI в различных местах; напр.: „Le développement individuel reproduit sous nos yeux, dans une succession plus rapide et plus familière, dont l'ensemble est alors mieux appréciable, quoique moins prononcé, les principales phases du développement social“. (Развитие индивида воспроизводит перед нашими глазами, — в последовательности более быстрой и более нам знако-

чтобы по возможности точно и подробно разработать этот вопрос, имеющий важное значение для общей антропологии, я избрал возраст вступления в брак, как наиболее подходящий к нашей цели. Вступление в брачную жизнь составляет довольно естественную переходную ступень от юношеского к зрелому возрасту и образует резкую черту, влияющую на всю жизнь человека. Именно по этой причине об этом возрасте имеется всего более фактических данных, значительный запас которых необходим для основательного изучения занимающего нас вопроса. Собственно статистические сведения имеются только для вполне цивилизованных народов, для первобытных же приходится ограничиться фактами, собранными путешественниками в различные времена. Мы начнем наш обзор с первобытных народов Африки, как с племен, занимающих одну из низших ступеней на лестнице человеческого рода. У готтентотов браки совершаются обыкновенно через посредство родителей, при чем случается, что невесту сговаривают в то время, когда она еще не вышла из детского возраста¹⁾. Нередко бывает, что девушек отдают замуж, когда им только что минуло восемь или девять лет²⁾. Сходные обычаи встречаем мы и у кафров. У них выдавание замуж есть род коммерческого предприятия. Появление половой зрелости у девочек сопровождается обыкновенно празднествами, при чем пирующие предаются всевозможного рода эксцессам. На следующее утро девушка публично принимается в число зрелых женщин и с того момента уже считается годной к вступлению в брак³⁾. У негров мы видим то же самое, только в еще более резких размерах. Они гордятся полигамией и стремятся получить, елико возможно, более жен. Король Ашанти может иметь 3333 жены, для чего ему нередко приходится жениться на маленьких, даже еще не отнятых от груди девочках. Вообще у негров в большем употреблении ранние сговоры, так что нередко родители условливаются уже относительно браков еще неродившихся детей⁴⁾. Для нас все эти факты имеют потому особенное значение, что они показывают, во-первых, простоту взгляда на брачные отношения, во-вторых, свидетельствует о том, что и фактический брак, т. е. половое сожитие, должно начинаться у негров сравнительно очень рано. Относительно последнего пункта мы имеем и более прямые указания. По свидетельству многих путешественников, наступление половой зрелости у мальчиков, так же как и у девочек, ознаменовывается процессуальным шествием, при чем разряженная девочка объявляется зрелой и готовой к выходу замуж⁵⁾. Усло-

мой, общие черты которой и становятся для нас тогда более доступными — главные фазы социального развития.) IV, стр. 447. Для животных та же мысль была всех лучше формулирована Ф. Мюллером в сочинении: „Für Darwin“. 1864.

¹⁾ *Fritsch*. Die Eingeborenen Süd-Africas. 1872, стр. 331.

²⁾ *Reich*. Geschichte, Natur und Gesundheitslehre des ehelichen Lebens, 1864, стр. 324. Единственное достоинство этого сочинения заключается в том, что в нем приведено очень много интересных выписок из различных авторов.

³⁾ *Fritsch*, I. c., стр. 112.

⁴⁾ *Reich*, стр. 301—302.

⁵⁾ *Vaitz*. Anthropologie der Naturvölker, II, стр. 110.

вия для вступления в брак негров-юношей также чрезвычайно легки и просты. Для этого стоит только быть собственником нескольких трубок, стула, сундука, выстроить избу и поймать пленного. Девочки же выходят замуж между десяти и двенадцатилетним возрастом¹⁾ (на северо-гвинейском берегу), или же, как, например, у негров племени Кич (по Белому Нилу)—в четырнадцать лет²⁾. Ранние браки свойственны и другим народам Африки, принадлежащим к кавказскому племени. Так, в Абиссинии девочки отдаются замуж необыкновенно молодыми³⁾, в Массауа юноши начинают вступать в брак с семнадцати, а девушки с двенадцати лет (по показанию Мунцингера)⁴⁾. То же сообщает Рольфс⁵⁾ и относительно марокканских марабутов; он видел восьмилетнюю жену и тринадцатилетнего мужа.

Так как читателю легко может показаться с первого взгляда, что на брачную жизнь только что перечисленных народов имеет преобладающее влияние жаркий климат центральной Африки, то я считаю необходимым тотчас же перейти к обзору возраста вступления в брак у первобытных народов, живущих в холодном поясе земного шара. Относительно атхинцев (т.-е. обитателей Алеутских островов, ближайших к Камчатке), отец Вениамин⁶⁾ сообщает следующее: „Вступать в брак позволялось с 10-тилетнего возраста, как время, в которое мальчик мог и должен был уметь владеть байдаркою и стрелами и, следовательно, числиться в числе промышленников, а девица—шить. Родители еще в детстве делали сватовство друг с другом и назначали детей своих супругами“. В Аляске (бывшей русской Америке) браки заключаются также довольно рано; по словам американского путешественника Уимпера, у туземцев Аляски (Ко-Юконс) „пятнадцатилетняя девушка или уже имеет мужа, или же расставляет сети для подыскания такового⁷⁾“. О ранних браках туземцев Камчатки упоминает Эрман⁸⁾. Гумбольдт говорит в своем путешествии по Южной Америке⁹⁾, что между эскимосками, камчадалками и корячками нередки матери десятилетнего возраста. У Клемма¹⁰⁾ мы также находим, что эскимоски, остячки и самоедки часто рожают, когда им только что исполнится пятнадцать лет. К сожалению, ни Гумбольдт, ни Клемм не ссылаются на источники, вследствие чего сообщаемые ими сведения не могут быть подвергнуты критике.

О тунгузах, принадлежащих также к числу первобытных народов холодного климата, мы имеем сведения, сообщенные Георги. В его путешествии по России мы находим следующее¹¹⁾: „Для

1) *Reich*, 306.

2) *Globus*, 1871, т. XIX, стр. 181.

3) *Globus*, 1871, т. XIX, стр. 181.

4) *Zeitschrift für allgemeine Erdkunde*, 1859, стр. 99.

5) *Reise durch Marokko etc.* Bremen, 1863, стр. 88.

6) Записки об островах Уналашкинского отдела, 1840, т. III, стр. 9.

7) *Globus*, 1869, т. XVI, стр. 58.

8) *Zeitschrift für Ethnologie*, т. III, 1871, стр. 162.

9) *Voyage aux régions équinoxiales du nouveau continent*, т. III, 1817, стр. 293.

10) *Allgemeine Kulturgeschichte*, т. II, 1843, стр. 207.

11) *Bemerkungen einer Reise im russischen Reich*, 1775, т. I, стр. 265

того, чтобы сберечь плату за невесту, родители охотно меняют своих детей таким образом, что сын одних берет дочь других, и наоборот". Между ними встречаются пятнадцатилетние мужья и двенадцатилетние жены. Богатые торгуют часто восьмилетних детей, которые остаются у родителей невесты и спят вместе. После рождения первого ребенка молодые отделяются.

Наиболее подробные сведения о возрасте вступления в брак первобытного народа мне удалось добыть относительно волжских калмыков. Благодаря любезности г. главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенькова, я получил для изучения составленные ламаитским духовенством списки движения народонаселения калмыцкой степи; из всех данных я, однакоже, мог воспользоваться только возрастом вступления в брак, так как у калмыков вообще (как еще было замечено Палласом) обращается большое внимание не только на год рождения, но даже на месяц, день и пр. Абсолютные же цифры числа бракосочетаний, рождений и пр. вследствие неточности куда негодны. Тот факт, что калмыки вступают в брак довольно рано, был уже замечен сарептским миссионером Венямином Бергманном ¹⁾, написавшим известное сочинение о калмыцкой степи. Более же убедительны в этом отношении следующие числовые данные; из 279 девушек, вышедших замуж (в 1870 и 1871 годах):

8 находилось в возрасте 14 лет.				18—в возрасте 21 года.			
5	"	"	15	6	"	"	22
30	"	"	16	6	"	"	23
65	"	"	17	4	"	"	24
53	"	"	18	1	"	"	26
54	"	"	19	1	"	"	27
28	"	"	20				

Maximum падает, следовательно, на семнадцатилетний возраст. Двухлетних невест еще меньше, чем шестнадцатилетних, после же двадцати лет числа быстро спускаются до minimum'a; в двадцать пять лет не было ни одной невесты; после этого возраста было только два случая, да и те, может быть, означают вступление во второй брак. Сведения, которые мы имеем относительно женившихся мужчин, менее точны, на том основании, что в списках для них не обозначено, вступают ли они в первый или во второй брак. Вследствие этого общий показанный возраст будет несколько больше истинного. Вот полученные мною числа. Из 301 мужчины, вступивших в брак, было:

2 в возрасте 16 лет.				15 в возрасте 26 лет.			
14	"	"	17	14	"	"	27
20	"	"	18	20	"	"	28
28	"	"	19	7	"	"	29
32	"	"	20	1	"	"	30
37	"	"	21	3	"	"	31

¹⁾ Nomadische Streifereien unter den Kalmücken.

19 в возрасте	22	"	3 в возрасте	32	"
35 "	"	23 "	2 "	"	33 "
23 "	"	24 "	2 "	"	38 "
23 "	"	25 "	1 "	"	51 "

На тахитим (37) здесь приходится возраст 21 года; приблизительно столько же женившихся было, однакоже, и в возрасте 20 (32) и 23 лет (35). Вообще у мужчин мы замечаем гораздо более постепенный ход чисел, чем у невест, что отчасти обуславливается именно примешиванием браков вдовцов. С семнадцати лет цифры начинают сразу увеличиваться и точно так же быстро падают после 28 лет, так что брачными возрастaми главным образом следует считать двенадцатилетний период между двумя указанными пределами. Обсуждая приведенные числа, необходимо иметь в виду общие условия населения калмыцкой степи и главным образом то обстоятельство, что в нем общая сумма мужского населения значительно превышает женское,—обстоятельство, замедляющее совершение браков.

На основании приведенных чисел, средний возраст вступления в брак выходит для женихов 22,8 лет, а для невест 18,3. О том, насколько эти возрасты ниже соответствующих цифр для собственно европейских народов, будет речь впереди. Покамест же мы снова возвращаемся к указанию возрастов для различных первобытных или полудивилизованных народов, основываясь на отчетах путешественников.

От монгольского племени мы переходим к малайским и полинезийским народам, при чем нам придется ограничиться лишь очень немногими фактами, так как о возрасте вступления в брак у этих народов, столь интересных с точки зрения семейной жизни, к сожалению, имеется очень мало сведений. О малайском народе острова Борнео, даяках, знаменитый натуралист Уоллес ¹⁾ сообщает следующее: „браки совершаются рано (но не слишком рано), и старые холостяки и девушки здесь тоже неизвестны“. Замечательно рано вступают в брак жители Мадагаскара (принадлежащие также к малайскому племени). По свидетельству путешественника семнадцатого столетия Мегизеруса ²⁾, мальчики женятся в возрасте от 10 до 12, девочки в возрасте 10 лет. О ранних браках маорисов (туземцев Новой Зеландии), жителей маленького острова Пуйнипет (принадлежащего к Каролинскому архипелагу) и Никобарских островов, упоминается в путешествии фрегата „Novara“ ³⁾. У меланезийцев, нравы которых вообще гораздо строже, чем в Полинезии, в большом употреблении обручение маленьких новорожденных или даже еще неродившихся детей. Нередко выдают молодых, еще еле достигших половой зрелости девушек за шестидесятилетних стариков,—обычай, часто встречающийся у

¹⁾ Малайский архипелаг. Русск. пер., стр. 99.

²⁾ *Рейх*, стр. 328.

³⁾ *Reise der österreichischen Fregatte „Novara“*. Beschreibende Theil, т. III, стр. 111, т. II, стр. 418, 86.

полигамических народов ¹⁾. У меланезийских туземцев Новой Каледонии мужчины женятся между 17 и 18, а девушки вступают в брак между 13 и 14 годами ²⁾. Туземцы островов Фиджи, отличающиеся поздно наступающей половой зрелостью, вступают в брак позже прочих меланезийцев; у них прямо запрещается сожительство ранее 18 или 20 лет, т.е. возраста, когда у мужчин отрастает густая борода ³⁾. Совершенно тоже встречаем мы и у некоторых племен юго-западной Австралии ⁴⁾, так что нередко мужчины не женятся до тридцатилетнего возраста. Этот обычай отчасти объясняется недостатком женщин, отчасти же он обусловлен и религиозными мотивами.

Америка представляет нам целый ряд интересных фактов. У большей части индейских народностей мы встречаем ранние браки; у южно-американских индейцев они заключаются несколько ранее, чем у северо и средне-американских народов. Наступление половой зрелости считается моментом, с которого может быть начинаема брачная жизнь. Таким образом, лаплатским индейцам разрешается вступление в брак с 12 лет для девушек и с 14 лет для мальчиков, т.е. именно в то время, около которого у них наступает половая зрелость ⁵⁾. Некоторые индейские девушки (народа Варрау, некоторых бразильских народов и пр.) выходят замуж уже в 10 лет. Бурмейстер, описывая бразильский народ Коррадосов, упоминает об обрядах, совершаемых при наступлении первой менструации у девушек, и прибавляет, что к этому времени они считаются способными к вступлению в брак, что они и выполняют обыкновенно примерно в четырнадцатилетнем возрасте. То же самое сообщают и относительно перуанских дикарей. Девушки гуаранов (парагвайских индейцев) вступают в брак между 10 и 12 годами, а юноши несколько позже, и пр., и пр. Исключение из общего правила ранних браков составляют между нынешними индейцами только парагвайские абипоны, — народ, подробным описанием которого наука обязана аббату Добрицгоферу. У них девушки в редких случаях выходят замуж ранее 19 или 20 лет, юноши же почти никогда не женятся ранее достижения двадцатипятилетнего возраста.

В противоположность нынешним „диким“ индейцам, цивилизованные обитатели древней Мехики и Перу вступали в брак значительно позже. Судя по словам историка Клавигера, юношам в Мехике разрешалось вступать в брак от 20 до 22-летнего возраста, подходящий же возраст для девушки полагался между 16 и 18 годами. Еще более поздний возраст назначался в царстве Инков, где брачный возраст начинался с 24 лет для мужчин и от 18 до 20-ти лет для девушек. И у нынешних индейцев, живущих к

1) См. Герлянд продолжение соч. *Вайца*. *Antropologie der Naturvölker*, т. IV, стр. 631, 632.

2) *Ausland*. 1866, стр. 450.

3) *Герлянд у Вайца*, *Антропология*, т. VI, стр. 630.

4) *Герлянд*, I. с., стр. 715, 778.

5) *Рейх*, I. с. О вступлении в брак индейцев, стр. 365, 371, 374, 380, 404, 410, 420, 430, 432, 433, 435, 436, 445, 447, 455, 450.

западу от Миссисипи, сохранилось воспоминание о том, что в прежнее время браки совершались позже, чем теперь.

Тот вывод, который неизбежно вытекает из только что указанных фактов относительно Америки, еще с большею резкостью обнаруживается при обзоре народов индокавказского племени. И здесь низшим степеням культурного развития соответствует более ранний возраст вступления в брак. Индусы и родственные им цыгане занимают в этом отношении одно из первых мест. У индусов также существует обычай обручения в раннем детском возрасте, но и самый брак у них совершается, когда обрученные только что вступают в юношество. Девушки выходят замуж по достижении двенадцати или тринадцатилетнего возраста. То же встречаем мы у цыган, рассеянных по странам, климат которых не имеет ничего общего с тропическим климатом их первоначальной родины. О ранних браках этого народа мы имеем несколько указаний. Вот, например, одно из них, заимствованное мною из сочинения Греллманна: „По достижении 13 или 14 лет цыганский юноша замечает уже, что ему недостает еще чего-то, кроме пищи и питья; а так как он так же мало озабочен дальнейшей судьбой, как и птицы небесные, да и притом еще пользуется неограниченной свободой действий, то он тотчас же приступает к делу и женится на первой понравившейся ему девушке двенадцати, а в крайнем случае тринадцатилетнего возраста“. Сингалезцы (обитатели острова Цейлона, столь известные своей полиандрией) вступают в брак столь же рано и при тех же условиях (обручение в детстве), как и индусы. Интересные сведения сообщает французский путешественник дю-Перрон о браках парсов Гусураты, небольшого иранского народа Ост-Индии. Родители сговаривают детей, когда последним исполнилось три года; по достижении шестилетнего возраста их уже поселяют вместе, хотя бракосочетание совершается не ранее наступления половой зрелости у невесты. В Кирмане парсы сговаривают девятилетних детей, в брак же позволяют вступать не ранее двенадцати лет, а истинный брак, т.-е. сожитие, совершается тотчас после наступления менструации. Сходные обычаи по отношению к возрасту вступления в брак встречаем мы у некоторых других народов иранского семейства, как-то у персиан, курдов и армян. Позже других совершаются браки у афганцев, у которых обыкновенно юноши женятся на двадцатом, девушки же выходят замуж на пятнадцатом или шестнадцатом году. Так как, однакоже, приобретение жены стоит довольно больших денег, то нередко случается, что мужчины до 40 лет остаются холостыми; двадцатилетние девы в Афганистане также не составляют редкости.

Между народами Кавказа некоторые, как, например, грузины, вступают в брак чрезвычайно рано. Обручение у них совершается часто еще в то время, когда дети не вышли из колыбели, самый же брак нередко совершается в 15 лет для мальчика и в 12 лет для девочки. У других же кавказских народов, как, например, у хевзуров, девушек выдают замуж на двадцатом году, хотя их и обручают еще в детстве. Мы уже видели выше, что

некоторые из принадлежащих к кавказскому племени народов Африки вступают в брак в весьма раннем возрасте. То же мы должны теперь сказать и о нынешних египтянках, и об африканских арабских девушках, которые выходят замуж иногда в 10, большую же частью в 12 или 13 лет. Девушки алжирских евреев также довольно рано вступают в брак (между 13 и 16 годами). Мужчинам же иногда приходится ждать до тридцатилетнего возраста. Алжирские мавры вступают в брак раньше (богатые юноши в 13 лет, бедные позже). Тунисские мавры женятся в 16 или 18, иногда даже в 14 лет. Девочки же выходят замуж иногда ранее полного десятилетнего возраста. Тунисские евреи женятся между 16 и 20-ю годами, еврейки выходят между 12 и 15-ю годами.

Обратимся теперь к более подробным сведениям, которые представляет нам статистика относительно европейских народов. Из всех известных в этом отношении стран первое место по раннему вступлению в брак занимает Россия, как это недавно было показано профессором Янсоном, интересный этюд которого послужит нам источником для следующих данных. „В России браки заключаются ранее, чем где-либо,—говорит названный ученый, сравнивая возраст вступления в брак в России и в одиннадцати европейских государствах.—На возраст до 20 лет в России приходится около 47% всех браков, в то время как в Западной Европе процент таких браков колеблется между 10 и 2%. Наоборот, несвоевременных и поздних браков у нас гораздо менее, особенно поздних; у нас они дают около 1% всех браков, на западе Европы от 3 до 2%“.

Рассматривая возраст вступления в брак по полам, г. Янсон приходит к следующему выводу: „в возрасте до 20 лет в Западной Европе женится 1,5% мужчин, в России—36,9, т.-е. в 24 раза больше; на 11,6% женщин, выходящих замуж до 20 лет, в России приходится 56,6%, т.-е. почти в пять раз больше; следовательно, для женщин ранние браки у нас не представляют такого характерного явления, как ранние браки для мужчин. На одного мужчину, вступающего в брак до 20 лет, приходится на западе Европы 8, у нас 1,5 женщин той же возрастной группы“.

Губернии, в которых мужчины женятся всего позже (абсолютный брачный возраст в 25—35 лет), суть: Петербургская ¹⁾ Ревельская ²⁾, Рижская ³⁾, Митавская ³⁾ и Ковенская ⁴⁾, т.-е. пять губерний, принадлежащих к числу наиболее цивилизованных в России. Губернии же, в которых браки мужчин совершаются всего ранее, составляют центр России, по преимуществу губернии Рязанская (63% браков от 20 до 25 лет), Тамбовская, Тульская, Донская область, Воронежская, Калужская, Нижегородская, Пензенская, Орловская и Владимирская (51%). Абсолютный брачный возраст женщины представляет в общем те же данные, как возраст мужчины.

- 1) Ленинградская.
- 2) Теперь Эстония.
- 3) Латвия.
- 4) Литва.

Весьма интересны следующие цифры относительно распределения брачного возраста мужчины и женщины по вероисповеданиям:

Возраст вступления в брак.							
	Православные.	Старообрядцы.	Католики.	Протестанты.	Евреи.	Магометане.	Средн. вывод.
<i>Для мужчины:</i>							
От — до 20 л.	3974	4208	824	667	4342	1618	3689
„ 20 „ 25 „	3170	3062	3161	3180	2637	3837	3183
„ 25 „ 35 „	1613	2153	4197	4061	1779	1708	1806
„ 35 „ 50 „	1087	733	1910	1578	908	1429	1140
После 50 л.	166	42	307	434	234	408	257
<i>Для женщины:</i>							
От — до 20 л.	5868	5453	3864	2664	6089	4529	5665
„ 20 „ 25 „	2571	2579	3262	3724	2121	3108	2636
„ 25 „ 35 „	1035	1399	2017	2656	1218	1651	1142
„ 35 „ 50 „	500	376	811	881	526	617	524
После 50 л.	26	5	45	76	45	95	31

Заметим еще последний вывод г. Янсона: „в городском населении России возраст брачующихся заметно отличается от возраста в остальном населении. В городах браки заключаются вообще позже как у мужчин, так и у женщин. Для мужчин абсолютный возраст приходится на период 25—35 лет; женщин относительно менее выходит замуж до 20 лет и значительно более от 25 до 35 лет, чем в остальном населении“. Эти данные имеют самое непосредственное значение для нашего общего вывода. Городское население вообще стоит на более высокой степени развития, чем сельское, и вступает в брак позже, нежели последнее. То же замечаем мы и при рассмотрении распределения браков по вероисповеданиям. Из заимствованной у г. Янсона таблички мы видим, что из всего населения России всего позже вступают в брак протестанты, затем католики, т.-е. именно лица, принадлежащие к народам западно-европейской культуры. Всех раньше, напротив, вступают в брак евреи, семейные обычаи которых, как известно, стоят еще на очень примитивной ступени. Почти столь же рано совершаются браки у православных и старообрядцев. Лица, принадлежащие к этим двум исповеданиям, принадлежат в то же время и одному общему культурному слою, вследствие чего совершенно понятно, что по отношению возраста вступления в брак они представляют между собою самое большое сходство (см. табличку). Аномальнее всех других оказываются числа по отношению магометан (очевидно большею частью татар, так как сравнительно с степенью культуры браки их совершаются недостаточно рано). Но зато это единственный парадоксальный факт во всей табличке.

Обратимся теперь к Западной Европе. Браки до двадцатилетнего возраста, которые у нас составляют почти половину всех браков (47%), а у калмыков больше половины (53,63%), в Европе называются „преждевременными“ и составляют самую ничтожную долю всех браков. Таких браков приходится всего больше (15,74%) в Сардинии, всего же меньше (1,91%) в Баварии; между этими крайностями находится Франция (10,71%), Англия (7,30%), Бельгия (5,60%), Нидерланды (4,44%) и Норвегия (2,69%). Эти колебания, сравнительно говоря, не настолько значительны, чтобы их можно было солидным образом поставить в зависимость от культуры, да и вообще их покамест невозможно объяснить научным образом. Для нашей цели в этом, впрочем, нет и надобности, так как мы можем вращаться только в сфере крупных явлений, и потому-то нам важнее всего знать общие данные для Западной Европы, как большого центра высшей культуры. Ничтожное число „преждевременных“ браков есть первый факт, имеющий для нас тем большее значение, что смысл его до крайности ясен. „Браки ранее 20 лет,—говорит Ваппеус (II, 270),—в цивилизованных государствах следует считать вообще преждевременными или чересчур ранними, так как в наших государствах ни муж, ни жена, или во всяком случае первый из них не достигают в то время той физической и нравственной зрелости, которая потребна для выполнения различных обязанностей, налагаемых браком“. Браки, заключенные между 20 и 25 годами, в Европе еще считаются ранними, своевременными же называют браки, заключенные между 25 и 35-ю годами. Таких браков в десяти государствах Западной Европы (Англия, Сардиния, Франция, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Голштиния, Шлезвиг и Дания) заключается 47,91%, в России же только 14,78%.

Особенный интерес представляют для нас данные относительно среднего возраста, и притом первых браков, данные, которые мы заимствуем у Ваппеуса (том II, стр. 285). Таким образом средний возраст будет:

	Для женихов.	Для невест.
В Англии	25,94 года.	24,69 года.
„ Франции	28,41 „	25,32 „
„ Норвегии	28,51 „	26,98 „
„ Нидерландах	29,15 „	27,78 „
„ Бельгии	29,94 „	28,19 „

Я не хочу утомлять читателя дальнейшим перечислением фактов, сходных с теми, которые я уже сообщил. Если ему, однакоже, захочется иметь их большее количество пусть он сам обратится к цитированным мною источникам, попреимуществу же к сочинениям Вайца, Рейха и Ваппеуса. Я же попробую обобщить полученные результаты и затем указать на их разнообразное значение.

Из всего вышесказанного прежде всего вытекает, что браки заключаются тем позже, чем выше стоит культурное развитие народа, или, другими словами, что развитие, цивилизация влечет

за собою большее или меньшее запаздывание возраста вступления в брак. Этот вывод настолько резок, что нам не придется защищать его против каких-либо возможных возражений. Я этим ничуть не хочу сказать, чтобы у всех перечисленных народов приведенная цифра возраста была во всех случаях одинаково соизмеримой, то-есть, чтобы пятнадцатилетний возраст где-нибудь в Индостане соответствовал пятнадцатилетнему возрасту в Европе и т. п.,—я утверждаю только, что, отвлекаясь даже от всех отличий в большей или меньшей быстроте физического созревания, все-таки возраст вступления в брак у первобытных народов несравненно более ранний, чем у цивилизованных. Многие дикие народы сговаривают своих детей, когда те еще не успели выйти из детского возраста, и ждут появления половой зрелости, как момента, определяющего начало истинной брачной жизни. Поэтому у таких народов первое появление менструации считается делом особенной важности и сопровождается торжественными процессиями и пиршеством. У цивилизованных народов мы видим совершенно иное; у них появление половой зрелости и возраст вступления в брак не только не являются синхронически совпадающими моментами, но разделяются всегда значительным промежутком времени. Так, напр., у англичанок, у которых средний возраст вступления в брак равняется приблизительно 24 годам и восьми с половиною месяцам, половая зрелость наступает средним числом в 15 с половиною лет, по свидетельству Гогга ¹⁾, у них, следовательно, промежуток между обоими моментами, которого у диких народов не существует вовсе, равняется девяти годам и двум с половиною месяцам. У француженок этот промежуток еще больше. Средний возраст вступления в (первый) брак у них составляет 25 лет и 4 месяца, момент же появления первой менструации у них падает примерно на возраст 14 лет и 4 месяца, следовательно разница равняется одиннадцати годам.

Важное значение указанных фактов не может не броситься в глаза, и потому мы должны остановиться на них несколько долее. Всем известно, что наступление половой зрелости ни у одного европейского цивилизованного народа не считается признаком годности для вступления в брак и, следовательно, признаком полной зрелости. „Совершеннолетие“ по нашим законам начинается с 21 года, т.-е. по крайней мере, лет на пять позже наступления зрелости у мальчиков. Тот же возраст определяется и французскими законами; в Пруссии и Австрии совершеннолетний возраст начинается с 24 лет. Хотя по законам и можно вступать в брак до наступления совершеннолетия, тем не менее понятно, что браки, совершенные в этом периоде, будут больше или меньше браками преждевременными. Но, что гораздо важнее и с точки зрения физиологических законов, момент появления половой зрелости (у европейцев, по крайней мере) наступает ранее общей зрелости организма, того, что называется *púbilitas*. В каждом учебнике физиологии можно найти указание на то, что истинная способ-

1) Medical Times Gazette. November, 4, 1871.

ность к размножению наступает позже половой зрелости, хотя нигде не определяется в точности момент наступления этой способности. Всего больше занимались этим предметом медики, причем на общую зрелость они смотрели как на момент, с которого начинаются наиболее правильные роды, т.-е. роды, сопряженные с наименьшими шансами смертности и бесплодия. Денкан ¹⁾, более других занимавшийся этим вопросом, определяет наступление общей зрелости для девушек в 20 лет. В доказательство своего мнения он приводит то, что возраст от 20—24 лет подвержен наименьшей послеродовой смертности и представляется наиболее плодородным, а также и то, что рост тазовых костей завершается только около двадцатилетнего возраста. Если мы, следуя этому мнению, скажем, что возраст вступления в брак, положенный физической природою, будет для европейских девушек равняться 20 годам, то все же должны будем признать, что цивилизация отодвигает и его на несколько лет. Для англичанок этот промежуток, между наступлением общей зрелости и средним возрастом вступления в брак, составит 4,69 года, для француженок—5,32, для норвежек—6,98, для голландок—7,78, для бельгийских невест—8,19 года.

Причины подобного запаздывания против всех норм, указанных природою, могут быть отчасти указаны теперь же, хотя более подробно они будут рассмотрены ниже. На первом плане должно быть поставлено умственное развитие, неизбежно вносимое цивилизацией. Тазовые кости могут кончить свой рост в 20 лет и наилучшим образом приспособиться к рождению детей, тем не менее это обстоятельство ни мало не будет определяющим моментом при вступлении в брак большинства цивилизованных девушек, которые руководствуются при этом иными мотивами, как, напр., общественным положением, репутацией и пр.

Определение общей зрелости для мужского пола подвержено еще несравненно большим затруднениям, чем для девушек; во всяком случае не подлежит, однакоже, сомнению, что физическая бракоспособность юноши не может подчиняться тем сложным требованиям, какие налагают на женский пол условия деторождения. Если мы, для того чтобы определить наступление общей зрелости, обратимся к распределению смертности по возрастам и по семейному состоянию, то опять получим в результате двадцатилетний возраст как первый предел, положенный природою для вступления юношей в брак. Из исследования д-ра Фарра ²⁾ оказывается, что смертность женатых мужчин (во Франции) очень велика до двадцатилетнего возраста; начиная же от этого предела и вплоть до 80 лет холостые подвержены гораздо большей смертности, чем женатые. Между тем в Европе браки от 20—25 лет еще считаются ранними и составляют менее

¹⁾ Jahresbericht über die Leistungen und Fortschritte in der gesamten Medicin für 1866. Т. II, 1867, стр. 516.

²⁾ Статья этого ученого известна мне из книги *Дарвина* „О происхождении человека“, т. I, глава 5.

трети (30,25%, средним числом для Англии, Франции, Норвегии, Нидерландов и Бельгии, взятых вместе) ¹⁾, всего числа женившихся. Если мы, подобно тому как это сделали для девушек, вычтем момент наступления общей зрелости (полагая его также в 20 лет) из среднего возраста вступления в брак, то получим следующие числа: для англичан—5,94 года, для французов—8,41, для норвежцев—8,51, для голландцев—9,15, для бельгийцев—9,94 года.

Общий наш вывод может быть формулирован следующим образом. Половая зрелость (*pubertas*), общая физическая зрелость (*pubilitas*) и брачная зрелость (возраст вступления в брак) составляют три важных момента в жизни человека, имеющих одну и ту же цель: удовлетворение стремлений к поддержанию вида (размножение). В одних случаях (большинство первобытных народов) эти три момента совпадают или почти совпадают друг с другом; в других же случаях они раздвигаются, между ними появляются промежутки, тем более длинные, чем дольше совершается развитие, и потому наиболее ощутительные у наиболее цивилизованных народов. Эти промежутки, означающие неравномерное и, следовательно, неодновременное развитие аппаратов, служащих для одной и той же цели, составляют доказательство существования дисгармоний в развитии человека. На это обстоятельство мною уже было указано в статье: „Воспитание с антропологической точки зрения“ ²⁾, в которой я именно пытался доказать, что в течение всего внематочного периода „существуют несоразмерности в развитии отдельных аппаратов“, несоразмерности, имеющие большое значение в деле воспитания, в смысле препятствий последнему. Настоящий очерк может быть рассматриваем, как продолжение той же статьи, так как основа в нем та же самая; различие же заключается, во-первых, в том, что мною теперь взят не детский возраст, а юношеский, во-вторых же, и это гораздо важнее, в том, что для изучения дисгармонических моментов брачной жизни мы имеем гораздо более данных, чем для воспитательных дисгармоний. В моей прежней статье мне, поэтому, приходилось ограничиваться общими замечаниями, здесь же весь вопрос может быть рассмотрен с помощью обстоятельных, чисто числовых статистических данных. В настоящей главе брачный возраст был рассмотрен исключительно, так сказать, с географико-этнологической точки зрения. Но так как для нас весьма важно исключить участие чисто этнических моментов, выдвигая на перед влияние развития цивилизации, то нам неизбежно придется приступить к обзору фактов относительно возраста вступления в брак в сфере одного народа, или, по крайней мере, нескольких, близких друг к другу этнологических групп.

¹⁾ Вывод сделан по числам *Banneysa* „Bevölkerungsstatistik“, II, стр. 283.

²⁾ „Вестник Европы“, 1871, январь, стр. 105.

III.

Возраст вступления в брак в различных культурных слоях.—Дисгармонические периоды.—Отношение их у мужчин и женщин.

В сфере каждого народа существует несколько общественных слоев, более или менее резко отличающихся друг от друга в культурном отношении. Этим отличиям соответствуют и возрасты вступления в брак, представляющие среди одного и того же народа иногда довольно значительные изменения. Вот почему нам невозможно удовлетвориться теми суммарными данными о возрастах, которые приводятся в статистических сочинениях и которые являются, поэтому, весьма сложными величинами. В статистиках говорится о Франции, Англии и т. п., как о чем-то целом и едином, между тем население этих стран состоит из многих групп, стоящих на совершенно различной степени развития. В самом деле, что может быть поразительнее отличия между французом-позитивистом, отыскивающим научные законы психических явлений, и нормандским рыбаком, приносящим жертвы и советующимся с знахарями о болезнях и пр.? Изучая влияние культуры на семейную и общественную жизнь, невозможно игнорировать подобные отличия.

На изменение возраста вступления в брак в сфере одного и того же народа влияют, во-первых, колебания материального благосостояния, а во-вторых, изменения в степени общего культурного развития. Еще со времен Мальтуса стало известным, что в неурожайные годы заключается меньше браков, чем в урожайные, из чего следует, что первые, задерживая на некоторое время вступление в брак, делают брачный возраст несколько более поздним. У первобытных народов подобного рода факты составляют почти исключительную причину изменения этого возраста, что особенно заметно в тех случаях, когда жена приобретает за деньги и притом стоит довольно дорого. Так, напр., в Кохинхине, „мужчины низших классов редко женятся ранее двадцати, многие же принуждены ждать и до 30 лет; богатые же вступают в брак уже в пятнадцатилетнем возрасте“¹⁾. То же самое относится к афганцам и маврам, как это уже было сказано в предыдущей главе. Всем известно также, что и в цивилизованных европейских государствах степень материального благосостояния играет немаловажную роль в деле возраста вступления в брак. Для того чтобы жениться, юноша должен обзавестись известным добром, приобретение которого требует времени; в некоторых государствах даже существует закон, требующий от вступающего в брак доказательств обладания определенным имуществом. В Швеции существует поговорка: „нет сельдей, нет и браков“, происшедшая вследствие того, что количество браков у береговых жителей этой страны определяется большим или меньшим уловом сельдей. В 1871 г. улов был неслыханный, и число браков возросло до небывалой в прежние времена степени.

1) Рейх, стр. 233. Составлено по Крауфорду.

У первобытных или в низших слоях цивилизованных народов такого рода материальные мотивы составляют главнейшую и, как я сказал уже, почти единственную причину, обуславливающую запаздывание браков. На более же высоких степенях культурного развития в том же направлении действуют другие причины и действуют притом с несравненно большою силою. Для того, чтобы убедиться в этом, нам необходимо несколько обстоятельнее ознакомиться с изменениями брачного возраста в различных культурных слоях одного и того же народа. Возьмем, например, англичан, у которых средний возраст вступления в брак есть самый ранний из пяти известных в этом отношении европейских государств. Для мужчин он равняется, как было сказано выше, 25,94, а для женщин—24,69 года. Статистического материала для определения брачного возраста по культурному состоянию не имеется; поэтому я прибегнул к следующему способу. Я выбрал сословие пэров, епископов, баронов и пр. как представителей одного из высших культурных слоев, стоящего на высокой ступени материального благосостояния, и в то же время такого слоя, о котором можно получить наибольшее число фактических данных. По моей просьбе один из моих друзей выписал¹⁾ для меня возраст вступления в первый брак 690 мужчин и 112 женщин из названного сословия, при чем получились следующие числа:

Для мужчин.

В возрасте: 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 лет.
Число браков: 1, 2, 7, 34, 29, 44, 54, 51, 49, 39, 52, 33, 32.

В возрасте: 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 лет.
Число браков: 44, 25, 38, 24, 20, 21, 12, 10, 9, 9, 7, 3, 4.

В возрасте: 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 57, 68, 70 лет.
Число браков: 7, 4, 3, 4, 3, 5, 2, 2, 1, 3, 1, 1, 1.

Для женщин.

В возрасте: 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 лет.
Число браков: 2, 9, 6, 11, 18, 9, 14, 13, 2, 10, 4, 3, 2.

В возрасте: 30, 31, 33, 37 лет.
Число браков: 3, 4, 1, 1.

Судя по этим данным, средний возраст вступления в брак будет для мужчин равняться 29,63 года, т.-е. на 3,69 года позже, чем для англичан вообще; для женщин же он составит только 23,07 года, т.-е. на 1,62 года раньше, чем для англичан вообще. Для того, чтобы лучше сравнивать приведенные мною данные, я сопоставляю здесь процентные отношения для пэров, епископов и пр. с числами, заимствованными мною у Эттингена²⁾, при

1) По сочинению Dod. Peerage, Baronetage and Knightage of Gr. Britain and Ireland for 1872. London. I. Peers, Peeresses, Bishops, Lords of session Privy-Councillors, Baronets and Knights of the British Empire. A. E.

2) Moralstatistik. 1868, стр. 411.

чем считаю нужным заметить, что я беру только мужчин (так как число фактов для женщин чересчур незначительно) и вместо пермильных расчетов дерптского профессора ограничиваюсь процентами:

Возрасты.	Для англи- чан вообще.	Для пэров, епископов и пр.	Возрасты.	Для англи- чан вообще.	Для пэров, епископов и пр.
15—16	0,0007	0	40—45	3,45	4,34
16—17	0,0023	0	45—50	2,12	2,75
17—18	0,044	0,14	50—55	1,53	1,0
18—19	0,42	0	55—60	0,93	} 0,43
19—20	1,96	0,28	60—65	0,62	
20—25	46,18	24,49	65—70	0,26	
25—30	26,36	32,46	70—75	0,11	
30—35	10,55	23,62	75—80	0,026	0
35—40	5,45	10,43	80 и т. д.	0,007	0

В первом столбце тахитим приходится на возраст от 20—25 лет, во втором же он спускается на возраст 25—30 лет. В первом до 25 лет заключается вообще 48,63%, т.-е. почти половина всех браков, во втором же столбце до 25 лет женятся только 24,91%, т.-е. почти четверть общего числа браков. Результаты получились бы, однакоже, еще несравненно более резкие, если бы в таблице Эттингена были приведены только числа для первых браков и если бы из них были исключены те самые пэры, лорды и пр., которые столь явно замедляют возраст вступления в брак.

Для низших слоев английского населения у меня нет подробных данных, поэтому я ограничиваюсь только цитатой из статьи проф. Пешеля, человека вообще весьма добросовестного и компетентного. „В фабричных областях Англии,—говорит этот ученый в своей статье „*Sorgen des modernen Gesellschaft*“¹⁾,—юноши женятся уже в возрасте от 17 до 19 лет, девушки же выходят замуж от 16 до 18 лет“. Хотя эти числа очевидно преувеличены, так как всех мужских браков от 17 до 19 лет приходится для всей Англии не более 0,46%, тем не менее справедливо то, что фабричные рабочие вступают в брак довольно рано сравнительно с остальными англичанами.

Обратимся теперь к немецким странам. Распределение браков по возрастам и полам мне известно для общего населения Баварии, Пруссии и Австрии, для которых получены следующие цифры:

Для мужчин в ‰.

В возрасте:	Бавария.	Пруссия.	Австрия.
до 20 лет	0,29	1,27	—
от 20—30 лет	44,21	62,38	58,32
„ 30—40 „	38,36	25,65	27,23
„ 40—50 „	} 17,14	7,70	8,85
выше 50 лет		3,09	5,60.

1) Ausland, 1866, стр. 330.

Для женщин.

В возрасте:	Бавария.	Пруссия.	Австрия.
до 20 лет	3,53	8,42	15,70
от 20—30 лет	57,82	7,90	57,10
„ 30—40 „	29,27	17,17	19,37
„ 40—50 „	} 9,38	4,61	6,39
выше 50 лет		0,90	1,05.

Из общей массы населения я мог выделить только немецких принцев и принцесс, браки которых записаны в готском календаре; я поступал при этом точно так же, как и относительно английских пэров, т.е. брал только вступление в первый брак, как единственное верное выражение действительного брачного возраста. Мною было выписано 270 принцев (сиятельных и светлейших) и 272 принцессы, при чем получились следующие числа:

Для мужчин.

В возрасте:	19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 года.
Число браков:	1, 1, 5, 7, 8, 15, 15, 15, 27, 23, 16, 19, 14.
В возрасте:	32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 48 лет.
Число браков:	12, 13, 14, 17, 10, 6, 5, 6, 5, 5, 11.

Для женщин.

В возрасте:	16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 лет.
Число браков:	1, 10, 24, 23, 28, 38, 21, 21, 20, 20, 17, 17, 7.
В возрасте:	29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42 лет.
Число браков:	4, 5, 3, 5, 1, 0, 2, 2, 1, 0, 0, 1, 1.

Средний возраст, высчитанный на основании этих чисел, равняется для принцев 30,5 года, а для принцесс 22,6 года. Для первых, следовательно, он выше, чем где-либо в Европе, для последних же он, напротив, отодвигается назад. Самое большое число браков падает для мужчин на двадцатисемилетний возраст, для принцесс же оно соответствует возрасту 21 года. Если мы высчитаем процентное отношение возрастов, соединяя последние в такие же группы, какие были приняты вообще для трех немецких государств, то получим:

	<i>Для мужчин.</i>	<i>Для женщин.</i>
В возрасте до 20 лет	0,37%	21,32%
от 20 до 30 лет	48,98 „	70,96 „
„ 30 „ 40 „	42,96 „	6,99 „
„ 40 „ 50 „	7,77 „	0,73 „

Сравнивая полученные результаты, мы никоим образом не должны упускать из виду, что числа для Баварии, Пруссии и Австрии относятся к возрасту всех браков, тогда как наши данные для принцев составлены только для первого брака, отсюда ясно, что в первых процентные отношения должны выходить большими, чем для первых браков, так как позднее всего заклю-

чаются вторые и третьи браки. Несмотря, однакоже, на это, полученные числа для принцев указывают на более поздний брачный возраст их сравнительно с общим населением Австрии и Пруссии. До тридцатилетнего возраста в Пруссии женится 63,65%, в Австрии—58,32%, мужчин принцев того же возраста в этот период женится 49,25%. Только Бавария представляет исключение, так как в ней сумма браков до 30 лет составляет 44,5%, что, впрочем, в значительной мере может зависеть именно от присоединения вторых и третьих браков. Для женщин у нас, подобно тому, что мы видели для англичанок, получается обратное правило. Принцессы выходят замуж вообще раньше, чем в трех немецких государствах, но мы именно вследствие только что указанной причины не можем определить разницы.

Для того чтобы получить некоторое представление о возрасте вступления в брак низших слоев населения Европы, я собрал некоторые сведения относительно русских и малорусских крестьян, венчавшихся в Верхнедуванской церкви, Купянского уезда (Харьковской губ.). В моем распоряжении находились церковные книги за 1805—1814 и за 1861—1870 годы. Я, как и в других случаях, брал только вступление в первый брак и получил следующие абсолютные числа:

Для крестьян мужского пола.

Возраст	
в периоде:	16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 39.
1805—1814 г.	16, 39, 47, 20, 43, 4, 9, 1, 2, 2, 0, 0, 0, 0, 1, 0.
1861—1870 „	0, 0, 17, 58, 36, 36, 22, 12, 2, 11, 5, 1, 0, 2, 0, 1.
	1805—1814 г. сумма 184.
	1861—1870 „ „ 203.

Для крестьянок.

Возраст	
в периоде:	15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33.
1805—1814 г.	18, 48, 36, 48, 16, 19, 1, 2, 1, 0, 3, 0, 0, 0, 0, 0, 0.
1861—1870 „	0, 18, 55, 58, 50, 33, 6, 5, 2, 1, 4, 1, 1, 1, 1, 1, 1.
	1805—1814 г. сумма 192.
	1861—1870 „ „ 238.

Средний возраст вступления в брак выходит для мужчин равным 19,7 года (в периоде 1805—1814 г.г. он составляет 18,71 года; в периоде 1861—1870 г.г.—20,79 года), для женщин же он составляет 18,11 года (1805—1814 г.г.—17,5, в 1861—1870 г.г.—18,72). Если мы возьмем процентное отношение возрастных групп, то получим:

	<i>Для мужчин.</i>	<i>Для женщин</i>
В возрасте до 20 л.	51,29	80,7
от 20 „ 25 „	43,15	16,28
„ 25 „ 40 „	5,56	3,03.

Как ни рано, следовательно, заключаются браки в России вообще, тем не менее низшие сословия и здесь значительно раньше вступают в брачную жизнь, чем остальные. Хотя сравнение затрудняется тем, что у меня взяты только первые браки, цифры же г. Янсона соответствуют всем трем бракам, однако, не подлежит сомнению, что различие в процентном отношении так называемых „преждевременных браков“, равняющееся 14,40% для мужчин и 24,05% для женщин, прямо указывает на более ранний брачный возраст означенных крестьян. Если мы станем брать отдельный период 1805—1814 и 1861—1870 годов, то увидим, что брачный возраст во втором периоде несколько позже, чем в первом. Мы уже видели, что средний возраст вступления в брак от 1805—1814 г.г. равен для мужчин 18,71 г., в периоде же 1861—1870 г.г. он уже составляет 20,79 г., т.е. на 2,08 года позже; для женщин он в первом периоде равен 17,5 г., во втором—18,72, т.е. на 1,67 года позже. Если возьмем процентное отношение возрастных групп в оба периода, то получим:

Для мужчин.

	1805—1814 г.г.	1861—1870 г.г.
до 20 лет	66,3	36,89
от 20 до 25 лет	32 06	53,21
„ 25 „ 39 „	1,64	9,85

Для женщин.

	1805—1814 г.г.	1861—1870 г.г.
до 20 лет	86,46	76,05
от 20 до 25 лет	11,98	19,75
„ 25 „ 33 „	1,61	4,20

Таким образом во втором периоде мы замечаем правильное опаздывание брачного возраста для мужчин значительно более резкое, чем для женщин. С первого взгляда может показаться, что оно обусловлено чисто внешней причиной, именно тем, что законодательство наше изменило законный возраст вступления в брак. В первом периоде юноши имели право жениться с 16 лет, а девушка выходить замуж, начиная с 15 лет, во втором же периоде законный возраст повысился до 18 и 16 лет. Между тем факты, собранные в приведенных мною табличках, говорят противное. В первом периоде, в возрасте 18 лет, всех браков было 25,5%, во втором же периоде, в котором не было ни одного брака в 16 и 17 лет, женились в 18 лет всего 17 юношей, т.е. 8,6% всех браков за соответствующее время. Примерно то же самое замечается и для девушек. Делая эти сравнения необходимо припомнить, что в течение первого периода крестьяне находились в крепостной зависимости, и что на этот период выпадают одни из самых тяжелых годов русской жизни, тогда как во втором периоде, после освобождения, они (по крайней мере в той местности, о которой идет речь) достигли довольно значи-

тельной степени благосостояния. Запаздывание брачного возраста в этом случае, следовательно, произошло совершенно помимо элементарных экономических причин.

Есть примеры, прямо показывающие процесс изменения брачного возраста. Во время моего пребывания в калмыцкой степи, Астраханской губернии, я имел случай беседовать долго с одним из самых замечательных калмыков, человеком простого звания, употребившим свое состояние на введение земледелия в своем околке, что ему стоило немало труда при неблагоприятных внешних условиях того края (засуха, недостаток рабочих сил и пр.). Калмык этот, живя в 12 верстах от Сарепты, имел случай не раз сталкиваться с цивилизованными немцами и перенял от них любовь к труду и улучшению быта. Познакомив меня со своим семейством, он сообщил мне, что хотя ему не стоило бы ни малейшего труда выдать тотчас же взрослую дочь и сына (он человек, по калмыцким понятиям, богатый), но что он считает нелепым калмыцкий обычай ранних браков: сыновей женить следует не ранее 25 лет (средний возраст вступления в брак калмыков равняется, как мы уже видели, 22,8 года, а самый ранний возраст—16 годам), иначе они не успевают выучиться чему бы то ни было, и пр. Возьмем другой пример из современной истории Индии. Что бы ни говорили о действиях англичан в Индостане, не подлежит, однакоже, сомнению, что они заботятся о просвещении своих азиатских подданных¹⁾. Индусы много пишут, читают и, между прочим, посещают учебные заведения. Все это значительно влияет на изменение прежних нравов. Недавно вышло на бенгальском языке сочинение одного индусского ученого по имени Сом-Нат-Макардшия, профессора санскрита, в котором он ратует против вступления в брак в раннем возрасте. „Две трети юношей, вступающих в университет, в шестнадцать лет уже женаты,—говорит он.—Есть мальчики семи или восьми лет, уже имеющие жену. Может ли юноша заниматься должным образом науками, когда ему приходится заботиться о содержании семьи? Крайне необходима поэтому реформа, которая изменила бы подобное положение дела“. Было бы в высшей степени интересно, в связи с тем, что было сказано относительно этнологического и, так сказать, социологического распределений брачного возраста, познакомиться с изменениями того же возраста в историческом отношении. Мы только что видели образчик подобных изменений у русских крестьян, в первой же главе было сказано несколько слов об изменении брачного возраста во времени у американцев. Последние вместе с потерей цивилизации стали раньше вступать в брак, у первых же мы видим обратное явление. Вообще, после всего сказанного, весьма вероятно, что историческое изменение брачного возраста шло в том же направлении, как и географическое, но у меня, к сожалению, недостает сведений, чтобы пред-

¹⁾ Заботы англичан о „просвещении“ своих азиатских подданных настолько известны, что вряд ли нужно отмечать здесь неосновательный оптимизм автора.

ставить читателю отчет об этом предмете. Что народы в первобытном состоянии ранее вступают в брак, чем в цивилизованном, это факт, мало подлежащий сомнению; важнее, однакоже, знать, в каком именно возрасте совершалось наибольшее количество браков в различные исторические периоды.

Огностительно древних первобытных германцев существует замечание Тацита, который хвалит их за то, что они не рано вступают в брак, не торопятся выдавать девушек замуж, ожидая их равномерного и полного возраста ¹⁾.

Цезарь определяет последний в 20 лет и позже ²⁾. Я, к сожалению, не имею сведений о ходе брачного возраста в дальнейшие времена, но знаю, что нынче браки немцев заключаются позже, чем в прежнее, недавно прошедшее время. Известный немецкий писатель Риль ³⁾, оплакивая упадок патриархальных семейных нравов и отношений в современной Германии, говорит между прочим: „Berechtigtes frühes Heirathen wird bei unseren Erwerbsverhältnissen immer seltener. Wie soll aber der Vater die Sitte des Hauses fest in die Kinder pflanzen, wenn ihn diese erst als einen Mann mit greisen Haaren kennen lernen, wenn er stirbt bevor sie zur Vernunft und Einsicht gekommen sind? Dass der Grossvater oder gar der Urgrossvater den Enkeln und Urenkeln die Ueberlieferungen des Hauses erzählt, das wird bei dem späten Heirathen bald nur noch in Gütlichen vorkommen. Es ist eine Calamität geworden, wenn die Leute früh heirathen, eine Calamität, wenn si spät heirathen, und wenn sie ehelos bleiben, so ist dies auch ein Calamität. (Раннее вступление в законный брак при наших экономических отношениях становится все более редким. Но как может отец прочно внедрить в сознание детей правила семейной нравственности, если последние узнают его уже старым человеком с седыми волосами, и если он умирает раньше, чем они наберутся уму-разуму? Что дед или прадед передает внукам или правнукам семейные предания, это при позднем вступлении в брак будет встречаться лишь в самых исключительных случаях. Раннее вступление в брак стало бедствием, бедствие—и позднее вступление в брак, и такое же бедствие—безбрачие).

Факты, сообщенные в этой главе, указывают не менее тех, которые были перечислены в предыдущей, на цивилизацию как на главный момент, замедляющий возраст вступления в брак. Если из этого правила и были замечены некоторые исключения, то они касались исключительно женского пола (ранние браки пэрсс, принцесс и пр.). Это обстоятельство заставляет нас обозреть полученные данные для обоих полов в отдельности. Общий результат получается тот, что в ходе брачного возраста невест мы замечаем менее резкие изменения, чем в соответствующем возрасте мужчин, на вступление в брак которых культурное развитие

¹⁾ Tacitus, Germania C. XX.

²⁾ Unger. Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwicklung. Wien. 1850, стр. 110.

³⁾ Die Familie. Шестое издание, 1862, стр. 234.

оказывает более сильное и более правильное влияние.

Подкладка, лежащая в основании этого правила, совершенно понятна и заключается в том, что женщина во всех случаях, которые у нас имелись в виду, способна вообще менее отдаляться от первобытного состояния, чем мужчина. Для того чтобы удобнее было обозреть распределение брачного возраста по полам в связи с культурным развитием, я собрал рассеянные в этой главе данные на прилагаемой табличке (см. ниже), к которой приложил также предполагаемый средний возраст появления половой зрелости. Так как для нас, однакоже, в настоящую минуту представляет существенное значение хотя бы приблизительное определение момента появления половой зрелости, то (по неимению прямых указаний) для Норвегии я взял цифру, известную для Швеции, а для Голландии и Бельгии я воспользовался цифрой, показанной для Дании известным медиком и натуралистом Ганновером. Для половой зрелости мальчиков я увеличил соответственную цифру девочек на два. Для большего удобства я отметил также и возраст наступления общей физической зрелости, но по неимению данных для различных народов я для всех вообще определил этот момент в 20 лет для женского пола и в 23 для мужского. Для английских пэров и пэресс я взял среднее число из цифр, известных для Лондона и Манчестера.

Первая цифра для каждой группы означает возраст появления половой зрелости, вторая же соответствует возрасту вступления в брак. Места, заполненные черточками, означают время продолжительности дисгармонических периодов, при чем двойные черты соответствуют первому дисгармоническому периоду человеческого развития, который продолжается от наступления половой до наступления общей физической зрелости; второй же период, означенный одиночными черточками, соответствует времени от наступления общей физической зрелости до возраста вступления в брак.

Таблички эти понадобятся нам для нескольких целей. Во-первых, они показывают нам, что ход брачного возраста идет неравномерно для обоих полов,—обстоятельство, на которое я уже мельком указал выше. Так как оно имеет большое значение в разбираемом нами вопросе, то я считаю нужным указать здесь на закон, которому оно подчинено. Закон этот, поскольку он касается статистически исследованных европейских народов, формулирован Ваппеусом следующим образом¹⁾: „Мужчины самой ранней возрастной группы всюду женятся вообще на более взрослых женщинах; в возрастной группе от 20 до 25 л. (в Нидерландах и Бельгии от 21 до 25 лет) замечается наименьшая разница в возрасте между мужем и женою; начиная же от этого времени она быстро растет вместе с возрастом мужчины, что продолжается до самого старого возраста мужчины“. „В результате получается, что вообще чем позже заключаются браки, тем возраст мужа более

1) Allgemeine Bevölkerungsstatistik, т. II, стр. 305 и 306.

**НАЦИОНАЛН. И
ПОЛОЖЕНИЕ:**

[illegible]

**НАЦИОНАЛЪН. И
ПОЛОЖЕНИЕ:**

Английск. пэ-рессы и пр...	14,41	=	=	=	=	—	—	—	23 07
Немецкие при-цессы.....	15	=	=	=	=	—	—	22,6	

НАЦИОНАЛЬН. И
ПОЛОЖЕНИЕ:

[illegible]

превышает возраст жены". Переводя это правило на общий антропологический язык и подставляя полученный из вышеуказанных фактов общий вывод, оказывается, что с усилением культурного развития, замедляющим брачный возраст, разница между мужской и женской по отношению к этому возрасту становится все более резкой. Этот вывод составляет, собственно говоря, только частный случай более общего антропологического закона, по которому развитие усиливает контраст между обоими полами. Этот закон проявляется от крупных фактов до мелочей. Известный анатом Гушке пришел к заключению ¹⁾, которое потом было подтверждено Велкером ²⁾, что „по мере увеличения совершенства расы, увеличивается и разница между полами по отношению к вместимости черепной полости; особенно же сильно превосходит в этом отношении европеец европейку, сравнительно с негром и негритянкой". Внешние признаки, наиболее резко отличающие мужчину от женщины, как-то усы, борода и пр., сильнее всего развиты у самой совершенной кавказской расы. Негритянские, монгольские, американские и малайские народы в этом отношении представляются несравненно более женоподобными. К числу более мелких признаков мы можем отнести, напр., одежду. Обилие украшений, серьги, ожерелья и т. п., перья, яркие цвета одежды суть вещи, немыслимые для цивилизованного европейского мужчины в здравом уме. Для мужчин же первобытных или получивилизованных народов все эти принадлежности столь же неизбежны, как и для наших женщин. Консерватизм, патриархальные и семейные наклонности, вообще говоря, у женщин гораздо более развиты, чем у мужчин, и у первобытных народов более, чем у цивилизованных. Всем известно, какую роль играют в настоящую минуту эти наклонности у клерикально настроенных французских женщин, и Герберт Спенсер справедливо заметил, что предоставление женщинам права избирательного голоса значительно усилило бы консервативную партию парламента. Причина всех этих явлений кроется в значении женщины по отношению к поддержанию вида, т. е. размножению. Это последнее отправление, требуя затраты большого количества материи и деятельности, неизбежно задерживает личное индивидуальное развитие женщины. Многими натуралистами вполне сознан тот факт, что женщина представляется как бы соответствующей мужчине в юношеском возрасте, следовательно, задерживается на известной ступени развития, подобно тому как задерживается развитие личинкоподобной самки многих насекомых (*Strepsiptera*, *Psyche*, *Lampyris*), самцы которых являются в виде гораздо более развитых крылатых существ. Никто, конечно, не заключит из моих слов, чтобы я утверждал, будто женщина неспособна к развитию и должна во всех случаях и вечно оставаться на личинкоподобной стадии развития. Я утверждаю только, что прогрессивное развитие женщины должно совершаться в ущерб

¹⁾ *Schädel*, Hirn und Seele. Jena. 1834 стр. 48.

²⁾ *Untersuchungen über Wachstum und Bau des menschlichen Schädels*. 1862, стр. 69.

ее способности к размножению, выкармливанию и воспитанию детей, совершенно подобно тому, как усиленная деятельность рабочих пчел, муравьев и термитов могла явиться не иначе, как вместе с появлением бесплодия или же плодовитости в экстренных, исключительных случаях, — фактическое доказательство этого мнения представляют нам Соединенные Штаты. Женщины-янки с давних пор заботятся о собственном развитии и сделали в этом отношении огромные успехи, но они достигнуты, видимо, за счет способности размножения и семейной жизни. Всем известно, до чего между американскими женщинами распространено вытравливание плода и употребление других средств к уменьшению плодовитости. Результаты всего этого до того резки, что общее „размножение живущих в Америке немцев совершается средним числом от четырех до пяти раз скорее, чем настоящих американцев“. Последний перепись (1870 года) показал, что из всего населения Соединенных Штатов (38.555.983) почти половина (16.458.561) или произошла от родителей, родившихся вне Америки (10.892.015), или же состоит из настоящих иностранцев (5.556.546), т.е. родившихся вне Америки. Развитие, с помощью искусственных мер уменьшающее плодовитость, неизбежно ведет к большему приравниванию женщины к мужчине. Поэтому совершенно понятно отвращение, питаемое развитыми женщинами к тем особенностям женского костюма, которые приближают его к одеянию дикарей, а также и к первобытной патриархальности и консерватизму. На приложенных табличках изображено самым наглядным образом увеличение дисгармонических периодов, результаты которого будут рассмотрены нами по возможности обстоятельно. Здесь же я должен указать на то, что удлинение этих периодов имеет, вообще говоря, влияние на уменьшение общей продолжительности брачных союзов. Что во всем этом лежит завязка „ненормальная“, это, я думаю, каждому бросается в глаза. Иначе как же объяснить тот факт, что физическое развитие организма не идет в ряд с развитием культурным, производя между обоими все увеличивающуюся пропасть, грозящую всему существованию человека?..¹⁾.

Я считаю необходимым предупредить читателя, что все мои соображения и сопоставления направлены для разрешения теоретических вопросов общей антропологии. У меня нигде, ни прямым, ни косвенным путем, не высказываются и не затрагиваются практические вопросы, как бы тесно они ни находились в связи с тем предметом, о котором идет речь в настоящей статье. Я не даю советов относительно возраста вступления в брак, не порицаю поздних браков и пр. Все дело ограничивается у меня желанием указать на связь культурного развития с изменениями семейной

1) Рассуждения автора о женщине опровергаются хотя бы существованием на известной ступени развития человеческого общества „матриархата“, т.е. господства в семье женщины. Это господство было обусловлено более важной экономической ролью женщины на данной ступени развития. Таким образом и здесь правильное решение вопроса может дать социология, а не биология. *Ст. Кр.*

жизни и на результаты этих отношений. При этом следует иметь также в виду, что я говорю только о данных формах развития, не позволяя себе делать более обширных обобщений. Из того, что европейские цивилизации сопровождаются определенными видоизменениями семейной жизни, еще не следует, чтобы всякое вообще развитие представляло тот же характер. Примером народа, ставшего сравнительно на довольно высокую ступень культурного развития и в то же время сохранившего патриархальный семейный быт, могут нам служить доблестные сыны Небесной Империи ¹⁾. Читая описание их брачных обычаев и отношений, вы легко подумаете, что имеете дело с первобытнейшим народом, не только никогда не думавшим об изобретении книгопечатания, но считающим подобную вещь дьявольщиной, придуманной для гибели человеческого рода. Таким образом у них встречается обручение малолетних детей, и вообще китайские юноши и девушки не вступают в брак, а выдаются родителями, при чем на собственный выбор первых не обращается ни малейшего внимания. У китайцев дети вообще строжайшим образом подчинены родителям и во всем должны безусловно повиноваться последним...

IV.

Количество браков и связь его с возрастом вступления в брак.

Рассмотрение явлений, находящихся в теснейшей связи или же в прямой зависимости от возраста вступления в брак, мы начнем с числа или „частости“ браков. Естественно, что там, где брачный союз составляет простое сожительство, начинающееся с того времени, когда супруги только что приобрели физическую способность к брачной жизни, где выбор жениха или невесты не составляет ни малейшего затруднения, браки должны составлять явление, несравненно более общее, чем в том случае, когда выбор представляется делом весьма сложным, как, напр., в цивилизованном обществе. Этим достаточно обозначается связь брачного возраста с частостью браков, на которой мы намерены теперь остановиться.

Первобытные народы, вообще столь рано вступающие в брак, представляют нам и наибольшую частость браков. Дарвин ²⁾ ссылается на Берчеля, который говорит, что между дикарями южной Африки никогда не встречается холостых, и на Асару, утверждающего то же самое об индейцах Южной Америки. Подобного рода замечания мы встречаем у очень многих путешественников. Относительно даяков мы уже привели выше цитату из Уоллеса, говорящую об отсутствии холостяков. Пеппин и Бурмейстер говорят то же относительно американских дикарей ³⁾. Многие первобытные народы считают за великое бесчестие, если кому-нибудь между ними не удастся во время вступить в брак,

¹⁾ Так раньше называли Китайскую республику.

²⁾ Происхождение человека и половой подбор, т. II, стр. 403.

³⁾ Рейх, стр. 336, 447.

другие же вовсе не могут себе представить, чтобы человек мог всю жизнь вести холостой образ жизни. Один бедуинский начальник говорил путешественнику Зеетцену, что „ему совершенно непонятно, как тот может проводить всю свою жизнь холостым“. „У нас,—прибавил он,—каждый должен иметь жену, и если бы кому-нибудь вздумалось не последовать этому правилу, того бы наверно сочли негодяем“. Барт советует путешественникам по внутренней Африке брать с собою жену, так как туземцы относятся к холостым с величайшим презрением. Капитан Джон Росс говорит об эскимосах следующее: „Безбрачное состояние им вовсе неизвестно. Одна мысль о нем им кажется бессмыслицей, и они совершенно не в состоянии понять, каким образом у нас могут обходиться без жены“¹⁾.

У сингалезов и у китайцев безбрачие светских составляет нечто исключительное. У волжских калмыков частота браков, несмотря на значительную неравномерность в численном отношении обоих полов, весьма велика, как я показал в другом месте. В древние времена в Спарте и на Крите холостяки подвергались общему презрению и наказывались законом, при чем подобное наказание считалось особенно позорным.

Переходя теперь к европейским народам, относительно которых имеются статистические данные, мы прежде всего заметим, что по частоте браков между ними первое место занимают русские, которые, как мы видели выше, отличаются и особенно ранним брачным возрастом. В цитированной выше статье г. Янсона мы находим следующие важные выводы. В 1867 г. в Европейской России (за исключением Финляндии, Привислянского края и Саратовской губ.) приходился один брак на 99,4 человека. „Ни одно европейское государство не дает такой большой частоты браков. Maximum браков по отношению к населению в Западной Европе имеет Цислейтанская Австрия, но и там он равняется 1 на 104; в других государствах относительная цифра браков гораздо менее“. Г. Янсон прибавляет далее, что 1867 год был неблагоприятен для заключения браков, и что поэтому правильнее принять один брак на 96 человек. „Если принять среднюю для западно-европейских государств, равную 1 браку на 140, то у нас частота браков будет на 45% выше“. При распределении частоты браков по губерниям мы видим, что те же пять губерний, принадлежащих к наиболее цивилизованному в России, которые представляли сравнительно самый поздний брачный возраст, отличаются и наименьшею частотой браков. Таким образом, в Ревельской 1 брак приходится на 150 человек, в Рижской и Митавской—1 на 146, в Ковенской—1 на 142. Из 10-ти же губерний, в которых мужчины всего ранее вступают в брак, семь принадлежат к категории, где один брак приходится на 100—110 жителей²⁾. Если мы обратимся к распределению частоты браков по вероисповеданию и возьмем только те цифры, которые г. Янсон считает

¹⁾ Все три цитаты у Рейха, стр. 289, 313, 360.

²⁾ Сравнительно-статистические этюды, III, стр. 224, 225.

„внушающими к себе достаточное доверие“, то получим для православных 1 брак на 96 человек, для католиков — 1 на 122, для протестантов — 1 на 144¹⁾. То-есть увидим тот же самый порядок, который замечается и при распределении браков по возрастам и вероисповеданиям, что весьма сильно доказывает связь между частотью браков и брачным возрастом. То же подтверждается и распределением браков в городах и селах. В последних, как мы видели, браки заключаются вообще раньше, чем в городах, и число браков в них значительно превышает частоту городских браков. Г. Янсон констатирует общий факт, „что в городах у нас меньше браков, чем в остальном населении, почти на 30%, — факт диаметрально противоположный тому, что дает статистика западно-европейских государств“, где число браков в городском населении почти на 10% превышает число браков в деревнях²⁾.

В Западной Европе, где частота браков значительно меньше, чем в России, приходится³⁾:

в Англии и Уэльсе	1 брак на 115 жителей	(1863 — 1866)
„ Шотландии	135	„ (1863 — 1866)
„ Ирландии	191	„ (1864 — 1866)
„ Франции	126	„ (1863 — 1866)
„ Бельгии	134	„ (1863 — 1866)
„ Пруссии	115	„ (1865 — 1867)
„ Баварии	116	„ (1863 — 1866)
„ Италии	142	„ (1865 — 1869)
„ Швеции	168	„ (1866 — 1870)
„ Австрии Цисл.	104	„ (1867 — 1869)
„ Австр. Трансл.	110	„ (1867 — 1869)

Частные отличия между частотой браков в этих государствах нами не могут и не должны быть подробно рассматриваемы, так как они, очевидно, зависят от различных причин, обуславливающих и изменения того же отношения в одной и той же стране, смотря по времени. Для нас, однакоже, весьма важно обратить внимание на связь между частотой и возрастом вступления в брак, поскольку она выражается приведенными числами. Таким образом Англия, имеющая самый ранний брачный возраст (из пяти государств, для которых выше был приведен средний возраст вступления в брак), имеет и отношение, равное 1:115. Франция, стоящая на втором месте по брачному возрасту, отличается и меньшей против Англии частотой браков (1:126); еще резче отличается Бельгия, имеющая более поздний брачный возраст и отношение частоты, равное 1:134. Для Норвегии и Нидерландов в приведенной табличке, взятой мною у г. Янсона, не существует данных; поэтому я считаю нужным воспользоваться менее новыми данными Ваппеуса, в которых приведены цифры и для обоих названных государств, тем более, что числа для среднего брачного

1) То же.

2) То же.

3) То же.

возраста были также заимствованы у этого автора и относятся к одновременным данным. Мы возьмем средний брачный возраст для обоих полов вместе и сопоставим полученные числа с отношением частоты браков по Ваппеусу (т. II, стр. 246).

	Средн. возр. вступления в брак	На 1 венчание приходится жителей
в Англии	25,31 года	128,13 (1845 — 1854)
„ Франции	26,86 „	126,92 (1844 — 1853)
„ Норвегии	27,75 „	149,29 (1846 — 1855)
„ Нидерландах	28,47 „	130,27 (1845 — 1854)
„ Бельгии	29,06 „	115,11 (1847 — 1856)

В результате между обоими моментами получается полнейшее соответствие.

Для того чтобы еще лучше оценить влияние культуры на брачную жизнь, можно привести то обстоятельство, что в населении Европы, способном к бракосочетанию (начиная с 18 лет), около двух третей находится или находилось в браке (именно 65,98%), целая же треть (34,01%) находится в безбрачном состоянии (Ваппеус, II, стр. 223). Я не привожу здесь данных для распределения населения в отдельных государствах, так как для нас важны общие цифры для всей Западной Европы.

Обратимся теперь к распределению частоты браков в городах и деревнях, на аномальное отношение которого было уже указано выше. В то время как в русских деревнях браков заключается на 30% больше, чем в городах, в Западной Европе мы встречаем обратное явление: там перевес числа городских браков составляет приблизительно 10%. Такой факт легко может быть приведен как доказательство того, что частота браков не находится в зависимости от культурного развития, предполагая, конечно, что последнее стоит в городах на более высокой степени, чем в деревнях. Присмотримся несколько ближе к этому вопросу. Из 10-ти государств, приведенных Ваппеусом, только в трех (Шлезвиге, Саксонии и Пруссии) частота браков в деревнях несколько превышает городскую; остальные же семь (Франция, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Дания, Голштиния и Ганновер) представляют обратный пример. Всех резко оказываются в этом отношении Бельгия, Франция и Нидерланды. Так, напр., в Париже одно бракосочетание приходится на 99,8 жителей, во Франции же вообще на 129,29 жителей. С нашей точки зрения подобные факты, с первого взгляда парадоксальные, объясняются весьма просто, если мы примем в соображение, что брак может получать различное содержание, смотря по условиям. В первоначальной и наиболее распространенной форме брак есть не только сожитительство супругов, но и главное условие произведения потомства; отнимите от него этот последний момент, и у вас получаются совершенно иные результаты. Как ни затруднено, вообще говоря, вступление в брак цивилизованных народов сравнительно с первобытными, не подлежит, однакоже, сомнению, что часть этих затруднений заключается в произведении

детей, их воспитании, содержании и пр. Искусственное устранение этого затруднения, более доступное для городского населения, чем для сельского, неизбежно должно увеличить число браков. Доказательством этого служит именно то, что в городах, несмотря на большую частоту законных браков, плодовитость последних значительно меньше сравнительно с деревнями. Так, напр., во Франции на 1 брак приходится 3,16 детей в городах и 3,28 в деревнях; в Нидерландах — 3,91 в городах, 4,32 в деревнях; в Бельгии — 3,80 и 4,17; в Швеции — 2,99 и 4,19, и пр.

Те же соображения могут быть приложены и для целых западно-европейских государств; так что, если бы мы могли статистически отличать обе формы браков, то цифра 126 для Франции наверно бы значительно увеличилась.

Статистика дает некоторые материалы и для распределения частоты браков по времени, — обстоятельство тем более важное, что оно хотя отчасти делает возможным пополнение соответствующего пробела для брачного возраста. У Ваппеуса приведены в этом отношении числа для пяти государств: Франции, Швеции, Норвегии, Саксонии и Пруссии. В четырех последних замечается вообще довольно правильное и постоянное уменьшение частоты браков. Так, на 10.000 жителей в Швеции приходилось в 1751 г. — 3641 в брачном состоянии, а в 1855 г. только 3259; в Норвегии с 1769 по 1855 г. соответствующая цифра с 3760 упала до 3221; в Саксонии с 1834 по 1849 г. она упала с 3552 на 3498. То же самое замечено и относительно Пруссии, где в периоде от 1817 до 1843 г. на 1 бракосочетание приходилось 109 жителей, в периоде 1844—1853 г. уже 115, а в периоде 1854—1860 г. — 118 жителей. Франция представляет исключение, так как в ней в 1806 г. на 10.000 приходилось 3584, находящихся в брачном состоянии, в 1841 г. соответствующая цифра возвысилась до 3781, а в 1851 г. она сделалась равной 3894. Ваппеус видит в этом доказательство „значительного прогресса этой страны“, который в сущности сводится на усиленное участие искусственных мер к уменьшению плодовитости, что доказывается следующими данными. В периоде 1811 — 1815 г.г. на 1 брак приходилось 3,49 детей, в периоде 1841 — 1845 г.г. соответствующая величина спустилась до 3,21, а в периоде 1851 — 1855 г.г. до 3,07. Этот важный момент, действительный вообще в Европе, преимущественно же во Франции, объясняет таким образом много с виду исключительных явлений и может быть также приведен, как один из факторов, обуславливающих сравнительно столь ранний брачный возраст французов.

Итак, мы видим, что частота браков идет вообще параллельно и в связи с ходом возраста вступления в брак и, следовательно, усиливает эффекты последнего. Для пополнения нашего очерка мы неизбежно должны остановиться на последствиях этих двух моментов, связь которых с цивилизацией не может быть подвергнута сомнению. Эти последствия будут интересовать нас главным образом не по отношению к благосостоянию и судьбе целых народов, но поскольку они (эти отношения) влияют на счастье и участь отдельных индивидуумов.

V.

Отношение брачного возраста и частоты браков к смертности, самоубийству, преступлениям и душевным болезням. — Общие выводы и заключения.

В науке накопился уже порядочный материал относительно влияния брачного состояния и безбрачия на смертность, наклонность к преступлениям, самоубийствам, помешательству и пр. Никто не станет сомневаться в том, что все эти моменты составляют главнейшие факторы, слагающие сумму несчастий человеческих и тем самым подлежащие нашему рассмотрению. Если известные периоды индивидуального развития можно считать „дисгармоническими“, то подобное мнение может быть оправдано только фактическим доказательством, основанным именно на изучении результатов, обусловленных большею или меньшею продолжительностью подобных периодов.

Выше уже было упомянуто об исследованиях Фарра относительно влияния брачного состояния на смертность в различных возрастах. Теперь мы должны остановиться несколько долее на этом предмете. Говоря вообще „смертность холостых гораздо значительнее, чем женатых; так что брачная жизнь не только не укорачивает жизни, несмотря на заботы и лишения для содержания семьи, но несомненно оказывает благоприятное влияние на общую продолжительность существования“ (Ваппеус, II, 217). Это правило проверено и для некоторых частных случаев; так, известно, что оно приложимо к медикам, между которыми холостые подвержены большей смертности, чем женатые (Ваппеус, стр. 333).

Все ученые согласны с тем, что, начиная от двадцатилетнего возраста, вообще умирает более холостых, нежели женатых (то же относится и к женскому полу). Вопрос заключается только в том, какой из двух моментов является в данном случае причинным. Большинство ученых полагает, что безбрачное состояние само по себе уже служит обстоятельством, значительно увеличивающим шансы смертности. Лица, не связанные семейной жизнью, более склонны к эксцессам, следовательно, более подвержены болезненности, уход же за ними вообще дурной и т. п. По мнению же других, как, напр., Фарра и Дарвина, усиленная смертность безбрачных доказывает только, что в брак вступают наиболее здоровые и вообще лучшие люди, которые поэтому и переживают холостых, как наименее одаренных. Брак, по их мнению, есть, таким образом, орудие естественного подбора, всегда дающего перевес хорошим и устраняющего дурных.

Положительное решение вопроса, чье из двух мнений наиболее приближается к истине, не может быть дано за неимением достаточного количества точных статистических сведений, поэтому-то нам придется прибегнуть к различным побочным средствам, для того чтобы по крайней мере приблизительно ответить на вопрос. Рассмотрим прежде всего аргументы обеих сторон. Д-р Старк, отстаивающий мнение большинства, ссылается главным

образом на то, что выгодное отношение лиц, находящихся в брачном состоянии, продолжается до глубокой старости, следовательно, действительно в такое время, когда о „брачном подборе“ уже не может быть речи. Дарвин отвечает на это, что усиленный контингент умирающих старцев может быть дан такими холостяками, которые еще в юности были слабы и потому забракованы, но тем не менее дожили до более или менее позднего возраста. Дарвин высказывает, впрочем, это мнение априористически, не давая ему должного фактического подкрепления. Сходным образом относится он и к другому аргументу Старка, именно, что смертность вдов и вдовцов во Франции очень велика сравнительно с женами и мужьями; он ссылается прямо на Фарра, который объясняет эту усиленную смертность „бедностью и дурными привычками, следующими за разложением семьи, а также и печалью“. Этот ответ опять является чисто априористическим. Для разъяснения недоразумений следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Если бы усиленная смертность безбрачных зависела исключительно от „брачного подбора“, то как могло бы объясниться уменьшение смертности тех же безбрачных в молодые годы, т.е. до 20 лет. Ведь в это время подбор также должен существовать, и хотя юноши иногда и вступают в брак необдуманно, следовательно, наперекор истинному подбору, но зато именно в силу своей юности имеют много времени впереди и этим самым увеличивают шансы подбора. Таким образом 18—20-летняя девушка имеет несравненно более возможность выбирать подходящего жениха, нежели 25-летняя. Факты показывают, однакоже, что замужние женщины до 20 лет подвержены значительно большей смертности, нежели девушки, на что, как мы видели выше, опирается Денкан, стараясь определить возраст наступления общей зрелости. Этот же ученый показал, что в периоде от 20 до 24 лет женщины подвержены наименьшей смертности от родов,—обстоятельство, играющее, очевидно, важную роль в деле вопроса о смертности в различных возрастах женщины.

Для решения нашего вопроса крайне важно было бы знать, какие именно болезни обуславливают большую смертность холостых. По мнению Эстерлена, этот излишек смертей производится прежде всего острыми болезнями, как, напр., тифом, воспалением легких и пр., а также бугорчаткой, душевными болезнями и пьянством, сифилисом, несчастными случаями, самоубийством. Правда, что это мнение имеет вид априористического вывода, но если оно тем не менее справедливо, то понятно, что брачный выбор может устранять только лиц, страдающих или подверженных хроническим болезням.

Если мы для решения вопроса прибегнем к тому же способу, который употребил в дело Дарвин, т.е. станем перебирать в памяти знакомые примеры, то должны будем притти к заключению, что смертность безбрачных имеет двойкий характер. С одной стороны, несомненно, что выбор исключает очень слабых и хронически больных индивидуумов, но, с другой стороны, не менее верно и то, что холостая жизнь является моментом, крайне па-

губно влияющим на всю судьбу человека и потому обуславливающим много смертных случаев. Существующие статистические сведения не дают возможности указать на количественную сторону каждого из этих факторов и потому приходится поневоле удовлетвориться самыми общими результатами. Как бы то ни было, достаточно допустить хотя бы слабое влияние безбрачия на усиление смертности, для того чтобы видеть, что уменьшение числа браков в новейшее время должно отражаться все с большею и большею силою в общем итоге культурной жизни. Отсюда не следует выводить прямо, чтобы общая смертность увеличивалась с каждым годом по мере уменьшения частоты браков. Смертность есть результат суммы, сложных условий, и безбрачие составляет одно из них.

Ежегодное увеличение числа самоубийств в цивилизованных государствах Европы уже обратило на себя внимание статистиков и моралистов, благодаря стараниям которых собрано и приведено в порядок много отдельных фактов. Все попытки умалить значение последних оказались тщетны, и теперь уже никто из людей науки не старается доказать, что все самоубийства совершаются в состоянии безумия и помешательства.

Тесная связь между частотой самоубийств и редкостью браков, а также и с возрастом вступления в последний, вытекает из общей суммы данных о самоубийстве. Известно, напр., что дикие народы, вообще столь рано вступающие в брак, представляют чрезвычайно мало примеров самоубийства. Между евреями и православными, ранее и чаще других вступающих в брак, заметно вообще менее самоубийств, чем между католиками, и еще менее, чем между протестантами ¹⁾.

Прямые показания о сравнительной частоте самоубийств между брачным и безбрачным населением свидетельствуют вообще о большей склонности к самоубийству последнего. Несмотря на то, что эта склонность увеличивается вместе с возрастом, между молодыми безбрачными частота самоубийств значительно больше, чем между лицами, находящимися в брачном состоянии (Эттинген, стр. 936). По исследованиям Адольфа Вагнера, оказывается, что в Саксонии, Вюртемберге и Бадене большая часть самоубийств приходится на долю безбрачных, особенно же вдовых и находящихся в разводе.

Еще раньше Леви нашел, что из трех самоубийц—двое холостых и один женатый. По статистическим сведениям 1865 г. относительно самоубийств во Франции, оказывается, что на долю женатых приходится 19,9%, холостых—28,1%, вдовцов—52,5%. Для женщин было выведено иное процентное отношение. Между самоубийцами было несколько более замужних (24,9%), чем незамужних (21,6%), но зато особенно много вдов (53,5%) ²⁾. И здесь, подобно тому, что мы видели относительно браков, числа

¹⁾ Здесь имеются в виду конечно национальные, а не вероисповедные признаки.

Прим. ред.

²⁾ По Леруа у Эттингена, *Moralstatistik*, стр. 338.

для женщин более варьируют в разные стороны, чем для мужчин. Общий же результат относительно участия обоих полов в самоубийствах, а именно, что мужчин приходится значительно (в 3--4½ раза) более, чем женщин, сходится с тем, что последние вообще раньше и чаще вступают в брак, представляя новое доказательство высказанного выше положения.

Статистически доказано, что самоубийства совершаются вообще чаще в городах, чем в деревнях (Ад. Вагнер, стр. 200 и след.),— обстоятельство, очевидно, стоящее в связи с более высоким уровнем культуры и большою сложностью городской жизни. Оно нисколько не является противоречием общему правилу о связи самоубийств с брачной жизнью, так как мы видели, что усиленная частота браков в европейских городах есть явление, так сказать, вторичного культурного происхождения, и что эти городские браки имеют свой особенный характер. В России же частота самоубийств в городах находится в самом незатемненном и простом отношении к большему числу безбрачных и к более позднему возрасту вступления в брак городского населения ¹⁾.

Немецкая поговорка: „Je länger Junggesell, je tiefer in der Hölle“ (чем дольше был холостяком, тем глубже быть в аду), характеризующая народный взгляд на безбрачие, оправдывается и статистическими цифрами. В уголовной статистике принято за правило, что холостые дают гораздо больший контингент преступников, чем женатые. Таким образом во Франции, где безбрачные и вообще бессемейные люди составляют менее половины общего населения страны, безбрачных подсулимых была большая половина, а в 1865 г. из 4154 их было 2272. В Бельгии (1856—1860) из 1384 тяжких преступников на долю бессемейных пришлось 811, т.-е. 58,6%.

В Италии (1863) из общей суммы 47.943 наказанных за проступки было 29.129, т.-е. 60,7%, безбрачных. С другой стороны, замечательно, что во Франции мелкие земледельцы-собственники, составляющие почти половину всего населения, дали не более 31% причастных к преступлениям (Эттинген, стр. 647). По данным баварской уголовной статистики 1862—1866 годов оказывается, что преступность женатых и замужних составляет только 37% преступности безбрачных. По общему расчету, на 10.000 брачных ежегодно обвиняется 17 человек, из такого же количества безбрачных—48. Процентное отношение обвиненных в Баварии (за исключением зарейнской части) было следующее ²⁾:

¹⁾ Я убежден, что статистика самоубийств представила бы еще более резкие доказательства в пользу нашей общей мысли, если бы она строго разделяла настоящие, намеренные самоубийства от случайных самоубийств, как, напр., утопление лиц, одержимых белой горячкой, и пр., и если бы она имела более комбинированных данных об участии сословий и других культурных групп в данных формах самоубийства.

²⁾ Данные о баварской уголовной статистике взяты мною из статьи доктора Майра: *Criminalistische Studien* в Прибавлениях к № 19-му и 20-му „Allgemeine Zeitung“ за 1872 год.

В году:	Безбрачных.	Брачных.
1862—1863	78	22
1863—1864	79	21
1864—1865	80	20
1865—1866	78	22

Женщины, дающие меньшее число самоубийц, оказываются и значительно менее наклонными к совершению преступлений. Та-ким образом во Франции на 100 обвиненных мужчин приходится только 23 женщины (Кетле). Сходное отношение было найдено и для баварского населения, где на 100 обвиненных мужчин при-ходилось в год (от 1862—1863 до 1865—1866 г.г.) 19, 18, 16, 15 женщин (Майр).

Особенный интерес представляет для общей антропологии вопрос об участии возрастов в преступлениях. Вот каким образом формулирует Кетле выведенный им закон: „Наклонность к пре-ступлению возрастает очень быстро по мере приближения к зре-лому возрасту; тут она достигает *maximum*'а и начинает умень-шаться, но медленно, до последнего предела жизни. Этот закон представляет большое постоянство и терпит изменения только по отношению к величине и времени появления *maximum*'а. Во Фран-ции *maximum* для преступников вообще приходится около 24 лет; в Бельгии эта критическая эпоха наступает несколько позже; в Англии и великом герцогстве Баденском ¹⁾ она, напротив, наблю-дается раньше“ ²⁾. Остановимся покамест на этом общем резуль-тате. Первый пункт, на который следует обратить внимание, состоит в том, что ход возраста наибольшей наклонности к преступле-ниям совершенно совпадает с ходом среднего брачного возраста. Оба возраста наступают всего ранее у англичан, затем у фран-цузов, всех же позже у бельгийцев. Это совпадение указывает на то, что возраст наибольшей наклонности к преступлению выпадает как раз на долю того периода, который мы выше назвали дис-гармоническим. У французов он прерывается брачным возрастом, наступающим средним числом в 28,41 года, т.-е. в то время, когда наклонность к преступлению начинает уменьшаться. Вторая поло-вина дисгармонического периода, оканчивающаяся брачным воз-растом, начинается с момента появления общей зрелости, т.-е. примерно с 23 лет, того возраста, который у Кетле (т. II, стр. 354) считается началом критического момента наибольшей наклонности к преступлению. В Англии эта наклонность проявляется всего резче между 20 и 25 годами, при чем последняя цифра прибли-жается к среднему брачному возрасту (26,94 года).

Весьма важно знать, какого рода преступления выпадают по преимуществу на этот дисгармонический период наибольшей пре-ступной наклонности. Мы ответим на это словами Кетле, кото-рые множество раз цитируются во всевозможных сочинениях потому именно, что они всего лучше выражают суть дела:

¹⁾ Теперь республика. *Прим. ред.*

²⁾ *Quetelet. Physique sociale. 2e édition, 1869, т. II, стр. 367.*

„Il (le penchant au vol) s'exerce d'abord à la faveur de la confiance qui règne dans l'intérieur des familles, puis se manifeste au dehors et jusque sur les chemins publiques, où il finit par recourir à la violence, lorsque déjà l'homme a fait le triste essai de la plénitude de ses forces, en se livrant à tous les genres d'homicides. Ce funeste penchant est moins précoce cependant, que celui qui vers l'adolescence naît avec le feu des passions et les désordres qui l'accompagnent et qui pousse l'homme au viol et aux attentats à la pudeur, en commençant à chercher ses victimes parmi les êtres dont la faiblesse oppose le moins de résistance“ (II, 351). [Она (наклонность к воровству) проявляется сначала в атмосфере доверия, царящей в семейном кругу, потом обнаруживается и во вне, переходя на проезжие дороги, где в конце концов приводит к применению насилия, после того как человек уже проделал печальный опыт, изведав полноту своих сил, предаваясь всякого рода человекоубийству. Эта пагубная наклонность все-таки развивается менее преждевременно, чем та, которая зарождаась к юности вместе с пылом страстей и сопровождающей его беспорядочностью жизни толкает людей на изнасилование и на покушения против женского целомудрия, отыскивая свои жертвы среди существ, слабость которых меньше всего способна к сопротивлению.]

Далее идут преступления зрелого возраста, отличающиеся холодной обдуманностью, каковы: отравление и пр.

Мне остается сказать еще несколько слов о сумасшествии, как об одном из крупных явлений, связанных с брачной жизнью и с культурным развитием вообще.

У первобытных народов помешательство составляет явление весьма редкое, и в тех случаях, где оно проявляется, оно принимает большею частью форму слабоумия или идиотизма. Доктор Берчель, проводивший двадцать пять лет между черокезскими индейцами, не видел ни одного случая настоящего сумасшествия. Между индусами душевные болезни встречаются реже, чем в Европе ¹⁾.

Со времени Эскироля, сказавшего, что „les progrès de la civilisation multiplient les fous“ ²⁾, этот вывод сделался общепринятым. Хотя обнаруживаемое статистическими исследованиями численное увеличение душевных болезней в новейшие времена зависит от суммы различных причин, тем не менее общий вывод о связи сумасшествия с культурой признается большинством психиатров ³⁾. В пользу этого говорит, в самом деле, слишком много данных, чтобы самый факт мог быть игнорирован. Не подлежит сомнению, что к числу причин, увеличивающих число душевных болезней, нужно отнести общее усложнение жизненных

1) *Griesinger. Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten*, 2-te Aufl. 1861, стр. 141. В Северной Америке в 1850 г. на 100.000 человек приходилось сумасшедших белых и свободных темнокожих 150, а рабов только 47 человек. *Oesterlen. Med. Stat.* 523.

2) „Развитие цивилизации увеличивает число сумасшедших“.

3) См. *Griesinger. Ibid.*, стр. 142—143. *Maudsley. Physiologie und Pathologie der Seele. Deutsche Uebers.* 1870, стр. 209, 210.

условий культурных народов; для нас важнее всего указать здесь на одно из этих условий, касающееся брачной жизни.

В результате статистических исследований получилось, что у безбрачных, особенно же мужчин, сумасшествие есть явление несравненно более частое, чем у женщин и замужних. Таким образом, в Вюртембергском королевстве в 1853 г. на 100 сумасшедших:

	Мужского пола.	Женского пола.
Было безбрачных	67,9	61,6
„ брачных	24,3	24,8
„ вдовых.	6,6	12,1
„ разведенных.	1,1	1,4 ¹⁾ .

Сходный результат был получен и для других стран. По расчетам известного французского статистика Легуа, приведенным Рейхом ²⁾, оказывается, что в Баварии в 1858 г. было 81% безбрачных и только 19% брачных сумасшедших; в Ганноверском королевстве, по данным 1856 г., было 78,85% безбрачных, 14,72% брачных, 64,4% вдовых и т. д.

Приведенные факты приобретают тем большее значение, что большая часть сумасшедших выпадает на зрелый возраст, когда относительное число вступивших в брак весьма велико. Так, судя по отчету Фарра ³⁾, наибольшее число душевных болезней приходится на возраст от 30 до 39 лет у мужчин и от 40 до 49 лет у женщин. При таком положении дела невозможно в данном случае искать объяснения в каком-нибудь брачном подборе. Напротив, из приведенных фактов легко видеть, что безбрачие должно служить причиной развития душевных болезней, резкое обнаружение которых выпадает, разумеется, позже момента зарождения недуга. В пользу этого говорят и прямые наблюдения о связи душевных болезней с половой жизнью, неправильности которой отражаются более или менее резко на всем строе душевной жизни человека. Между 144 душевными больными женского пола, находившимися в клинике Эскироля, было не менее 88 случаев, причиной которых предполагалось воздержание. Маудсли (l. c., стр. 211) считает это обстоятельство одной из главных причин помешательства у особ женского пола.

На предыдущих страницах я старался привести известную мне сумму данных, которые могли бы самым наглядным образом обнаружить по крайней мере наиболее выдающиеся результаты дисгармонических периодов человеческой жизни. Нельзя не заметить, что, взятые в целости, эти результаты представляют довольно крупный итог, который должен или, по крайней мере, может оказать существенное влияние на всю судьбу культурной жизни народов. Может быть тут-то и лежит корень того явления,

¹⁾ Oesterlen. Medicinische Statistik, стр. 521.

²⁾ Das eheliche Leben, стр. 510.

³⁾ Quetelet. Phisique sociale, II, стр. 193.

на которое с особенным ударением указывал Дрэпер, и которое заключается в аналогии жизни народов с жизнью отдельных индивидуумов. Как последние, так и первые должны иметь начало, возмужалость и конец. Кетле формулирует ту же мысль следующим образом ¹⁾: „A plusieurs égards la vie des peuples tient à la classe des phénomènes périodiques. Malgré le peu de recherches faites à ce sujet, ou on reconnaît assez bien la durée, on peut établir les différentes phases de la période et en déterminer l'énergie... „L'existence la plus longue de l'homme atteint, au plus, un siècle; pour une ville ou pour un peuple elle ne dépasse guère huit à dix fois cette durée. Les républiques de la Grèce, l'ancienne Rome, Venise et tous les centres principaux de la puissance et de la civilisation n'ont pas dépassé ce terme“ и пр. (Во многих отношениях жизнь народов может быть отнесена к категории явлений периодических. Несмотря на малочисленность исследований по этому вопросу, можно разглядеть достаточно хорошо длительность и установить различные фазы данного периода и определить его энергию... Самая значительная продолжительность жизни человека достигает, в лучшем случае, ста лет; для города или для народа она не превосходит этой цифры больше, чем в восемь или десять раз. Республики Греции, древний Рим, Венеция и все другие главные центры могущества и цивилизации не превысили этого срока.)

Цель настоящей статьи и заключалась, между прочим, в том, чтобы показать, что само развитие составляет источник периодичности с ее концом. Всякое развитие включает в себе критические моменты, и чем дольше оно длится, тем больше таких моментов и тем резче их действие. Всем известно как важно время прорезывания зубов у детей, составляющее именно один из критических моментов ранних степеней нематочного развития. По крайней мере один процент всех смертей обуславливается этой причиной. По расчетам, сделанным для детского населения Лондона, смертность от прорезывания зубов составляет $\frac{1}{38}$ общей смертности до пятилетнего возраста; всего большую роль она играет между первым и вторым годом, так что „развитие коренных зубов и клыков отнимает более чем вдвое жизни, нежели прорезывание резцов“ (Эстерлен, стр. 592).

Относительно смертности детей вообще можно заметить, что она идет рука об руку с развитием. Как то, так и другое представляют наибольшую величину в течение первого года жизни. „Самая большая смертность выпадает на первый год, в том числе на первый месяц, на первую неделю и на первый день после рождения. Разница в смертности первого и последующих 11 месяцев даже больше, чем между первым и следующими за ним годами“ (Эстерлен, 140). Примерно то же известно, напр., относительно процесса роста, который сначала идет очень быстро, а потом постепенно все более и более слабее.

Другое доказательство в пользу того же общего положения видим мы в том, что у животных, развитие которых длится короче,

¹⁾ Ibid., стр. 219—217.

чем у человека, и у которых, следовательно, новорожденные более приближаются к состоянию взрослых, смертность в ранних возрастах значительно меньше. Для примера я возьму овцу, которая, как вообще травоядные, рождается на свет сравнительно в весьма развитом состоянии. На Гогенгейском овцеводном заводе смертность ягнят в течение трех первых месяцев после рождения равнялась 3,6%,¹⁾ следовательно, представляла цифру, гораздо более низкую, чем для наших детей. Смертность последних в течение тех же первых трех месяцев составляла во Франции (1853) 45%, в Нидерландах—9,08%, в четырех швейцарских кантонах (Берн, Цюрих, С. Гален и Люцерн, 1867)—12,3%, а в Австрии (1851) она доходила до 15,47%²⁾.

Эти факты, по всей вероятности, составляют частный случай более общего правила, по которому чем длиннее метаморфоза, следовательно, чем дольше тянется развитие и чем больше приходится критических моментов, тем сильнее и смертность развивающихся организмов. В силу этого правила, животные, совершающие длинный и сложный цикл развития, как, напр., большинство паразитов, подвержены огромной смертности в личиночном состоянии, для пополнения которой они рождаются в сравнительно громадном количестве. Так, напр., массу выходящих за один раз личинок солитера можно смело считать сотнями тысяч; в теле одной аскариды насчитали около миллиона зрелых яиц, и т. п.

Из сказанного достаточно выяснилось, что в культурном развитии с его удлинненными дисгармоническими периодами и вытекающими отсюда последствиями можно усмотреть аналогию с физическим развитием ребенка, сопровождаемым так наз. болезнями развития (*Entwickelungskrankheiten*), вроде прорезывания зубов, и влекущих за собою значительную смертность. Отсюда понятно что в жизни многих первобытных народов можно нередко заметить больше гармонии и счастья, чем в нашей,—обстоятельство, на которое указывали многие писатели, по преимуществу Ж.-Ж. Руссо. Раньше последнего оно поразило Бюффона, выразившего свою мысль очень изящно: „Un sauvage absolument sauvage... serait un spectacle curieux pour un philosophe, il pourrait, en observant son sauvage, évaluer au juste la force des appétits de la nature; il y verrait l'âme à découvert, il en distinguerait tous les mouvements naturels, et peut-être y reconnaîtrait-il plus de douceur, de tranquillité et de calme que dans la sienne; peut-être verrait-il clairement que la vertu appartient à l'homme sauvage plus qu'à l'homme civilisé et que le vice n'a pris naissance que dans la société“. (Дикарь абсолютно дикий... представлял бы для философа любопытное зрелище; последний, наблюдая своего дикаря, смог бы правильно оценить силу естественных appetitов; он увидел бы душу, раскрытую до дна, он различил бы в ней все естественные стре-

¹⁾ Составлено по цифрам Шмидта в его *Schafzucht und Wollkunde*, 1852, стр. 146, 147.

²⁾ Составлено по цифрам Banneysa (*Bevölkerungsstatistik*, I, стр. 307); для Швейцарии же по *Geburten, Sterbefälle u. Traungen in der Schweiz in 1867*. Bern. 180.

мления и порывы и, быть может, обнаружил бы в ней больше мягкости, выдержанности и спокойствия, чем в своей собственной; быть может, он увидел бы ясно, что добродетель присуща дикому человеку в большей степени, чем цивилизованному, и что порок зародился только в обществе.)

Мы не станем здесь разбирать подробнее этого с давних пор поставленного на обсуждение вопроса, по поводу которого обеими сторонами было сделано множество преувеличений. Но скажем только, что и до сих пор между путешественниками нередко встречаются поклонники идеи Бюффона и Руссо. Наиболее резко в этом смысле высказывается Уоллес. Да и как быть, в самом деле, ввиду, напр., подобного рода заявлений? Во время пребывания фрегата „Новары“ на острове Кар-Никобар путешественники, расспрашивая туземцев об их быте, между прочим, коснулись вопроса о том, какого рода наказание полагается у них за различные преступления. Туземец отвечал самым наивным образом: „у нас никаких преступлений не совершается: мы все народ хороший; у вас же, должно быть, много злых людей; иначе зачем бы у вас было столько пушек и разного оружия“. Всем известен резкий нравственный контраст, представляемый дикими варварами, покрившими Рим, и ультра-цивилизованными обитателями этого замечательного государства. Пусть читатель прочитает последнюю главу „Истории нравственности в Европе от Августа до Карла Великого“ Лекки, и тогда он уяснит значение возрастов культурного развития и ту роль, которую в нем играла нравственность вообще, а часть ее, связанная с брачной жизнью, в особенности.
